

НК Клуб

Никитский

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 53

«Реванш пустеющего пространства»

Круглый стол
«Реванш пустеющего пространства»

25 октября 2011 г.

Участники обсуждения:

Арензон Евгений Рувимович,

старший научный сотрудник ИМЛИ РАН

Балдин Андрей Николаевич,

архитектор, книжный график, эссеист, путешественник

Вишневский Анатолий Григорьевич,

директор Института демографии НИУВШЭ,

Зимин Дмитрий Борисович,

президент Фонда некоммерческих программ «Династия», почётный президент ОАО «ВымпелКом» (БиЛайн)

Капица Сергей Петрович,

президент Никитского клуба

Мазурик Виктор Петрович,

доцент кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

Мясников Владимир Степанович,

руководитель Центра сравнительного изучения цивилизаций ИНИОН РАН, советник РАН

Нефёдова Татьяна Григорьевна,

ведущий научный сотрудник Института географии РАН

Привалов Александр Николаевич,

научный редактор журнала «Эксперт»

Разумовский Феликс Вельевич,

автор и ведущий исторической программы «Кто мы?», т/к «Культура»

Смирнягин Леонид Викторович,

профессор географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Сударенков Валерий Васильевич,
член Совета Федерации РФ

Трейвиш Андрей Ильич,
главный научный сотрудник Института географии РАН

Шумейко Игорь Николаевич,
историк, писатель

Заседание вёл **Александр Привалов**, научный редактор журнала
«Эксперт».

Приложение

В.С. Мясников

Решение пространственных проблем в России XIX – начала XX веков.

С. П. Капица

Дорогие коллеги! Мы начинаем наш осенний сезон темой с таким вызывающим названием: «Реванш пустеющего пространства». Речь, конечно, идёт о пространстве России.

Я не знаю, как смотреть на эту проблему. Это нечто данное, как говорят в математике, ограниченные внешние условия, исходя из которых, вы должны решать поставленные перед вами задачи. Перед заседанием я посмотрел некоторые цифры. Мне кажется, по картине происходящего нам ближе всего страна, в которой я бывал дважды и которую немного знаю, — это, как ни странно, Австралия. Субконтинент с очень небольшим населением 20 млн, по площади меньше России почти в два с половиной раза. Вся жизнь в Австралии сосредоточена на пространстве побережья. В центре Австралии есть знаменитая скала непонятого происхождения, которая, как пуп, торчит среди пустыни, её хорошо видно с самолёта. Всё остальное — пустыня. Мельбурн, Сидней и Перт — это прибрежные портовые города, мало связанные с центром страны.

Когда я был в Австралии первый раз, ни о каких природных ресурсах в этой стране ничего не было известно. Потом там обнаружили довольно значительные залежи природных ископаемых в прибрежных водах. Австралия экспортирует уголь, железную руду и уран. Диспропорция в плотности населения их как-то мало смущает. В этом отношении они подобны нам.

Есть Китай, площадь которого в два раза меньше, чем России, а население, по-моему, в двадцать раз больше, и которое тоже распределено очень неравномерно. Северные части Китая, граничащие по Амуру с Благовещенском, с нашими восточными областями, довольно слабо населены. Там даже нет такого контроля над рождаемостью, практикуемого китайцами (по крайней мере, теоретически) в других районах страны. Кстати, что там на самом деле происходит с демографией, понять очень трудно. Я безуспешно пытался найти что-нибудь об этом в литературе или узнать в разговорах с китайцами. Китайцы ничего не говорят, во-первых, потому что они, по-моему, не любят об этом говорить, во-вторых, может быть, потому что и сами толком не знают. Всё равно — гигантская страна, которая всё больше и больше будет задавать тон своим капиталом, своими знаниями на всём востоке суперконтинента Европы и Азии. Они очень большое внимание уделяют науке: 140 тысяч китайцев сейчас работают в США, учатся, осваивают их опыт, потом возвращаются к себе на родину и находят там всё необходимое, чтобы продолжать эту деятельность. Двадцать лет назад, когда я был в Стэнфордском университете, в Америке обучалось и работало 40 тысяч китайцев, а наших специалистов — не то 100, не то 200 человек.

Капица С. П.

Наша ситуация другая. Здесь я бы хотел начать с некоторого положительного сигнала. По-моему, одним из самых замечательных опытов организации науки в нашей стране, оказавшей влияние на всё развитие мировой науки и планирование, — это Новосибирский научный городок. Я не устаю об этом напоминать, я там бывал практически с самого начала его возникновения и могу сказать, что Академгородок, по-моему, лучше пережил эти годы лихолетья, чем столичные институты Академии наук и высшие учебные заведения так называемого центра России. Они следуют принципу Тёркина «подальше от начальства, поближе к кухне». Когда я обсуждал это с Абелом Аганбегяном, известным тогда своими довольно крайними высказываниями, он мне сказал: «Знаешь, Сергей, дальше Новосибирска меня всё равно не сошлют».

Мой брат в течение семи лет возглавлял Дальневосточное отделение Академии наук. Он говорил, что больше всего его допрашивал местный секретарь обкома: «За что тебя сюда сослали?» Секретарь обкома не мог поверить, что это был просто естественный шаг в научно-организационной

карьере моего брата, который до этого возглавлял географический факультет МГУ, куда потом и вернулся.

Это география разума, на которую можно влиять и которая, в свою очередь, оказывает очень большое обратное влияние. Я думаю, что не было бы многих открытий в геологии Сибири, начиная с открытия западносибирских месторождений нефтегазового комплекса этого района, если бы не было Сибирского отделения Академии наук. Одним из главных геологов там был Трофимук¹, который, кстати, известен ещё тем, что, когда его, по-моему, в связи с 80-летием наградили орденом, он с негодованием вернул этот орден Ельцину и сказал: «Я не буду принимать от Вас эту награду». Это был некий вызов начальству, и вполне справедливый, когда началось гонение на науку.

Но это всё было. Сейчас же мне бы хотелось сосредоточиться не на том, что было, а на том, что есть, и на том, что будет. И здесь, мне кажется, есть тенденция такого пессимизма. Это заразная болезнь, которая сильно распространилась в нашем государстве и которую пессимисты иногда оправдывают тем, что если они не правы, то хорошо, что дела обстоят лучше, чем они предсказывают, а если они окажутся правы, то у них будет возможность сказать: «Мы же вам говорили!». Но это очень слабое обоснование позиции, причина которого коренится не во внимательном объективном анализе того, что будет, а в субъективных настроениях самих авторов. Но по существу об этом должны судить специалисты, я могу только констатировать.

Да, у нас пустеющее пространство. Отток населения происходит из Сибири, особенно из Дальневосточных регионов, из Чукотки, из Магаданской области и других мест. Правда, сейчас, по-видимому, из-за изменений климата большое значение может приобрести Северный морской путь, который на 30% короче, чем путь из Японии или Китая и Кореи в Европу через Суэцкий канал. Наш морской путь в этом смысле очень выгоден. Это очень серьёзная вещь, потому что весь крайний север нашей страны оказался ещё в большем запустении. Он был таким дотационным районом.

Я призываю всех к поискам положительного решения нашего будущего. И передаю слово Александру Николаевичу Привалову, который, наверное, лучше меня проинформирован по многим из этих вопросов.

¹ Трофимук Андрей Алексеевич (1911–1999) — советский и российский учёный в области геологии и разведки нефтяных и газовых месторождений, доктор геолого-минералогических наук, академик АН СССР и академик РАН. Основатель Института геологии и геофизики СО РАН, в числе первых академиков переехал из Москвы в строящийся Академгородок в Новосибирске. Не принял орден «За заслуги перед Отечеством», которым был награждён по указу Президента РФ в феврале 1998 г., в знак несогласия с политикой государства по отношению к своим гражданам.

А. Н. Привалов

Я хотел бы присоединиться к словам Сергея Петровича насчёт болезни пессимизма. Для изводов этой болезни, которые мы всё чаще наблюдаем, есть и более торжественное название: уныние. Это смертный грех, как известно. Обсуждая сегодняшнее заседание, мы с коллегами чрезвычайно заботились о том, как бы нам не впасть в этот грех, потому что картина, которую мы сегодня будем озирать, я надеюсь с разных сторон, на самом деле не очень весела, чтобы не сказать большего.

Мне запомнились два фото, которые я увидел несколько лет назад: фотографии, сделанные примерно в середине 1980-х годов со спутника, и снимки, сделанные в начале нашего тысячелетия, в 2003–2004 гг. Это фотография европейской части России и фотография Западной Европы, снятые ночью. По сравнению с тем, что было двадцатью годами раньше, Западная Европа освещена втрое ярче, втрое больше огоньков. Россия освещена примерно втрое меньше. Россия гаснет. В России исчезает человеческое жильё.

Примерно в те же времена, в начале нынешнего тысячелетия, в 2001–2002 гг., я имел удовольствие читать и даже позволил себе роскошь потом написать рецензию на замечательную книжку профессора Глазычева², подводящую итоги организованной им экспедиции по Поволжью. В этой книге профессор Глазычев делал предсказание (причём он не считал его мрачным, он просто говорил, что вот так устроено, так бывает: сейчас погода такая, а потом будет другая), что в течение ближайших 10–15 лет в России (имелась в виду Европейская Россия) исчезнут две из каждых трёх деревень и один из каждых двух маленьких городков. Насколько я понимаю, примерно так и происходит. Что было оптимистичным у профессора Глазычева — это замечательное наблюдение, доказанное им на материалах полевых исследований, которое привело меня в полный восторг. Оно состояло в следующем: какой из двух равно маленьких городков выживет, а какой не выживет, ничтожно мало зависит от вульгарно экономических факторов. Где более новые или менее старые станки на градообразующем предприятии, где более новые и менее старые поликлиники и учебные заведения, — всё это не имеет значения. Выживет тот городок, писал Глазычев, где найдётся группа людей, которая ошестинится, которая скажет: «Нет, мы не теряем этот город. Нет, мы его сохраняем».

Это действительно оптимистическая мысль, но, как и всё, что на свете хорошее, это — шанс. Риски реализуются сами, — шанс надо реализовывать.

² Глазычев Вячеслав Леонидович — член Общественной палаты РФ, ведущий российский эксперт в области урбанистики и территориального развития, профессор Московского архитектурного института.

Привалов А. Н.

Есть смутное ощущение, что эти шансы мы реализуем скверно. Я думаю, многие из присутствующих хотя бы бегло просмотрели результаты последней переписи населения. Не будем вдаваться в вопрос, насколько она заслуживает доверия в деталях, насколько верны вторые, третьи, пятые знаки после запятой, но там было довольно важное наблюдение, которое едва ли существенно отличается от реальности.

Обращаю ваше внимание, господа, что из всех регионов Российской Федерации единственный регион кроме Северного Кавказа, который между предыдущей и последней переписями населения дал прирост, да и то в доли процента, — это Калужская область. Не считая столицы, конечно. Это звучит: да, депопуляция Сибири; да, депопуляция Дальнего Востока; да, депопуляция северов. Откроем, наконец, глаза — депопуляция России. Совершенно очевидно, здесь нужны довольно серьёзные меры.

Покойный Солженицын в своё время пытался внушить господам начальникам в качестве национального проекта идею сбережения народа. Совершенно не хочу делать каких-либо сравнений по значимости,

но журнал, в котором я имею удовольствие работать, пытался внушить тем же товарищам национальную идею освоения родной страны. «Освоим Россию, — писали мы несколько лет назад, — пока её не освоил никто другой». Это на самом деле близкие национальные идеи. Забавно, что ни та, ни другая на вооружение не приняты.

Ведь в принципе, тут даже не очень важно, что будут делать. Почему приходится говорить о властях, хотя, вообще-то, разговор абсолютно не политический. О властях приходится говорить, потому что это, пожалуй, единственный субъект в сегодняшней России, который в географическом, в историческом, в каком хочешь масштабе обладает заметными ресурсами. Без позиции власти разговор труден. Так вот неважно, как будет власть действовать, — возьмёт ли на вооружение мегапроект типа «освоение родной земли» или не возьмёт на вооружение проект, зато даст полную свободу населяющим себя субъектам осваивать свою территорию, — это, в общем, неважно, но что-то надо делать. Не делая ни того, ни другого, не делая централизованного проекта и не давая полной свободы для децентрализованных проектов, мы имеем то, что имеем. Спасибо губернатору Артамонову, у которого хоть полпроцента прироста населения есть. Значит, если таких губернаторов будет семеро, ну, к следующей переписи населения будет семь субъектов Российской Федерации, помимо столиц, которые притягивают (потому что только в них и бурлят деньги), будет семь субъектов, которые будут прирастать, что само по себе, конечно, приятно, но проблемы не решит.

Я не хочу долго задерживать ваше внимание, у нас сегодня пять докладчиков, поэтому, соблюдая строгий регламент, сначала выслушаем пять сообщений, а потом вступим в разговор.

Андрей Ильич Трейвиш, прошу Вас!

А. И. Трейвиш

Такое впечатление, что если речь заходит о времени человечества — в первую очередь отвечают историки. Если о пространстве человечества, то есть об обитаемом пространстве, об Эйкумене, — отвечают первым делом представители такой древней, а ныне «захолустной» дисциплины, как география. Попробую ответить. Не буду говорить о том, что делать, — приведу только факты и попытаюсь их объяснить.

Факт первый. Все вы знаете, что Россия — крупнейшая страна в мире, даже после распада Советского Союза. Но её огромное пространство состоит в очень непростых отношениях с историческим временем. То, что мы больше любой следующей за нами национальной территории на целую Австралию или на две с половиной Якутии, даже не надо долго обсуждать (рис. 1).

Если же взять не всю территорию, а только, скажем, пригодную для обживания и освоения (понятно, что её можно выделять по разным критериям), или фактически заселённую (с плотностью населения больше одного человека на квадратный километр), или ту, которая используется в земледелии (обрабатываемые земли, включая культурные пастбища), то наш рейтинг будет иным. Это третье-пятое места, в зависимости от показателя и точности счёта (рис. 2).

Это факты. А теперь о восприятии. Мнения по поводу колониационного крена в развитии России были очень разными. Знаменитые слова Ломоносова о прирастании Сибири и Северным океаном. Знаменитые слова Ключевского о том, что история России — это история страны, которая колонизируется. Правда, с оговоркой, что территориальное расширение государства обратно пропорционально развитию внутренней свободы народа. О том же — Ленин в работе «О развитии капитализма в России»: развитие вширь замедляло развитие вглубь. Сначала почти о том же — его идейный оппонент Николай Бердяев: огромные пространства легко давались русскому народу, но нелегко давалась ему организация этих пространств. Потом у Бердяева иначе: овладение пространствами сопровождалось страшной централизацией, но пространства охраняли русского человека, давали чувство безопасности. Наконец, в наши дни историк Ирина Супоницкая повторяет, в сущности, те же тезисы в некоторой комбинации.

Когда обострялось восприятие России как страны безбрежно-бездорожной? Один из характерных периодов такой острой критики — 1830-е годы. В 1831 г. Пушкин написал стихотворение «Клеветникам России». Напомню его завершающие строки:

Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясённого Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

Известна реакция на это стихотворение — запись в дневнике Петра Андреевича Вяземского³, близкого друга Пушкина: «... Мне так уж надоели

³ Вяземский П. А. (1792–1878) — князь, русский поэт, литературный критик.

Рис. 1

Территории крупнейших по площади стран мира с учетом их пригодности для заселения и освоения и фактического использования

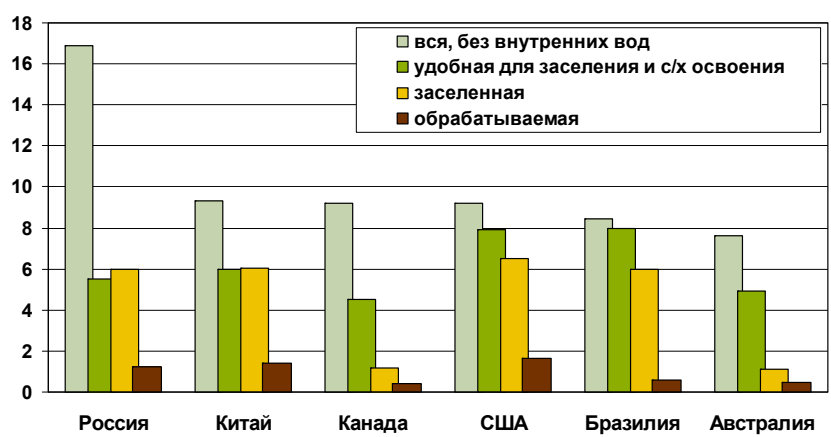

Рис. 2

эти географические фанфаронады наши: от Перми до Тавриды и проч... Что же тут хорошего, чем радоваться и чем хвастаться, что мы лежим врас-тяжку, что у нас от мысли до мысли пять тысяч вёрст...»⁴. Ну, и «безумный Чаадаев», который в «Апологии сумасшедшего»⁵ пишет, что наша география чуть ли не затмевает всю нашу историю⁶.

Опять та же простая мысль: в России много географии и мало истории — это мешает развитию.

Но почему именно тогда, в 1830-е годы, вдруг все словно взорвались? Да потому что в Европе строились железные дороги. Они сжимали тамошнее и без того меньшее пространство в коммуникационном смысле, а мы отставали. И навёрстывали. По сути дела, во многом наверстали ещё до революции (рис. 3). К 1914 году Россия по протяжённости железных дорог вышла на второе место в мире после США и, кстати, сохраняет его до сих пор, если не считать ЕС как единое целое, да ещё Китай, который нас быстро догоняет. А вот по плотности железных дорог, если взять всю территорию в целом, мы находимся где-то на уровне Австралии или Ирана: 5 км на каждую тысячу квадратных километров. Что же касается автомобильных дорог, то их общая длина у нас до сих пор меньше, чем у всех стран-гигантов и даже у Японии и Франции. О густоте автодорожных сетей я уже не говорю.

В нашей истории был и яркий период эйфории. Он связан не с железнодорожным строительством, а с ощущением великого социального эксперимента и с поступью индустриализации — рывка в освоении территории, но прежде всего в развитии. Отсюда и гордость, вплоть до «Широка страна моя родная», хотя слова «где так вольно дышит человек», написанные в 1936 году, сегодня звучат почти издевательски.

⁴ «Записные книжки (1813–1847)», 14 сент. 1831 г.

⁵ Чаадаев Пётр Яковлевич (1794–1856) — русский философ, публицист. В главном сочинении — *Философических письмах* (всего восемь, написаны в 1828–1831) — излагал мысли об исторической судьбе России. После публикации в журнале «Телескоп» в 1836 г. первого *Философического письма*, названного Николаем I «дерзостной бессмыслицей, достойной умалишённого», был официально объявлен сумасшедшим. *Апология сумасшедшего* (1837) написана Чаадаевым в ответ на обвинения, с разъяснением особенностей своего патриотизма, своих взглядов на высокое предназначение России.

⁶ «Есть один факт, который властно господствует над нашим Историческим движением, который красною нитью проходит чрез всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю её философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия: это — факт географический». См.: <http://www.vehi.net/chaadaev/apologiya.html>.

Тре́йвиш А. И.

У больших государственных пространств есть большие плюсы и такие же минусы, причём на каждый плюс найдётся свой минус (рис. 3).

Пространство даёт чувство безопасности, «укрытости». Мы его раздвигаем, чтобы всё было своё. Но отгородиться от мира и найти в нём достойное место — не одно и то же. На большой территории много природных ресурсов. Отсюда безудержная тяга к освоению всего, что только можно освоить, а это риск распыления всегда ограниченных людских, материальных и прочих средств, вплоть до психологических. Большой стране по плечу большие задачи... при условии её тесного социального сплочения, которое даётся нелегко. Значение такой страны велико благодаря одному пространству, даже если не очень много населения и не такая большая экономика. Но возникает мания величия, привычка всех мерить на свой аршин. Иногда в России это соединяется с манией преследования, которая вообще-то свойственна малым странам, которых в мире становится всё больше.

Перейду ко второй части — сжатию. Сжимается ли пространство, а если да, то в каком смысле? Сразу должен предупредить, что в наших социальных

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ БОЛЬШИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ

- Безопасность, "укрытость" от внешнего мира
- Вероятность природно-ресурсного изобилия
- Возможность широкого "пространственного маневра"
- Выгоды большого социума и державной идентичности
- Значимость и влияние в мире
- Склонность к экспансии и автаркии
- Освоенческий "синдром" и риск распыления средств
- Растяжение коммуникаций, сильное "трение расстояний"
 - Низкая компактность и сплоченность, формальность "информационного поля"
- Привычка всех судить и мерить на свой аршин

Рис. 3

науках это нестрогий термин, скорее метафора, хотя пользуются ею давно. К тому же часто встречаются разного рода синонимы, которые так или иначе сбиваются к двум основным пониманиям этого сжатия, двум ипостасям или трактовкам.

Первая ипостась — это сжатие как коммуникационное сближение, рост связности, доступности, проницаемости пространства, просто его известности: я знаю, что это близко, что туда три часа лёту, и я найду там стандартный набор товаров и услуг; поэтому дальнее становится или хотя бы кажется ближе. Обычно такое сжатие воспринимается позитивно, как прогресс — прежде всего прогресс транспорта и связи.

Вторая ипостась, о которой мы говорим всегда с насторожённой и болью, — это локационное сжатие, стягивание, уменьшение освоенного пространства, которое может порождать концентрацию, доходящую до поляризации и сокращения обжитых, освоенных, продуктивных земель. До тех пор пока мобильных ресурсов хватает, чтобы росли, пусть разными темпами, и центр, и периферия, — общество не воспринимает это болезненно: ведь потери пространства нет. Но когда ресурсов развития перестаёт хватать для периферии, когда она начинает опустевать, депопулировать, впадать в депрессию, когда забрасываются и зарастают земли, — вот тогда восприятие становится болезненным. Оно и понятно.

Коммуникационное сжатие или сближение всегда вторично: что-то должно сначала расширяться, чтобы потом сжиматься. Оно имеет смысл для известного, измеренного мира или его части. Ещё сеть римских дорог сжала подобным образом античную ойкумену, по которой императоры могли ездить со скоростью до 30 км/час, что вдвое выше обычной гужевой скорости.

Хотя ещё Эратосфен⁷ исходя из астрономических наблюдений довольно точно вычислил размеры Земли, человечество убедилось в его правоте только после Великих географических открытий, когда все материки и океаны стали известны. А если бы Колумб представлял, что есть Америка и есть Тихий океан, он бы не искал Азию за Атлантическим океаном согласно карте Паоло Тосканелли⁸, который считал, что от Канарских островов до Японии примерно 5 тыс. километров, тогда как даже сейчас через Панамский канал эта дистанция вчетверо длиннее.

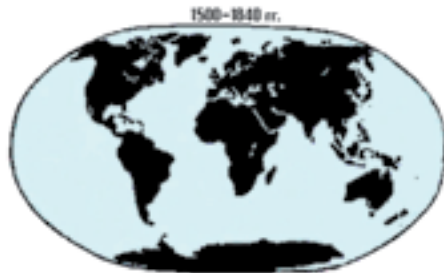
Парадокс, но когда отдельные цивилизации расширяли свои ойкумены, им казалось, что за пределами остаётся не так уж много. Присутствующий здесь Леонид Викторович Смирнягин часто приводит другой пример искажения физических дистанций. Когда европейцы, посещая какую-нибудь туземную деревню, интересовались коротким путём до озера, им указывали не на прямую тропу, а на круглую, через холмы. Почему? Оказывается, на прямой живёт хищник. И если вы пойдёте по ней, то путь действительно окажется длинным: вам придётся убежать и, скорее всего, обратно в деревню (рис. 4).

Простейшую модель примерно пятидесятикратного коммуникационного сжатия мира за 500 лет после Колумба предложил англичанин Питер Дикен (рис. 4). Эта картина, чисто линейная, конечно, малоубедительна. Мир ведь сжимается неоднородно. И вот другая модель, в которой, казалось бы, нет ни динамики, ни строгой метрики (есть такой «Анти-Дикен», Сергей Вячеславович Рогачёв, автор модели), где всё очень неравномерно, где есть, например, 2 миллиарда людей, никогда не покидавших своих малых родин, — и, кстати говоря, не только в бедных странах, но и в развитых. При многих условностях эта модель всё равно представляется более близкой к действительности.

Лакун в реальном пространстве много. Без транспорта и связи изоляция от мира будет велика и сегодня, хотя где-то в небе летают самолёты, на радиоволне идут чьи-то разговоры. Потому что такое сжатие дистанции неощутимо для тех, кто живёт хотя бы и на трассах коммуникаций, но в них

⁷ Эратосфен Киренский (276 г. до н.э. – 194 г. до н.э.) — греческий математик, астроном, географ и поэт.

⁸ Паоло Тосканелли, Паоло даль Поццо Тосканелли (1397–1482) — известный флорентийский учёный в области астрономии, медицины, географии и математики.

Сжатие географического пространства планеты за пять веков по П. Дикену, 1986

«Анти-Дикен»: бугристость мирового пространства по С.В. Рогачеву, 2002

(мощные магистрали не сжимают, а деформируют планету)

Рис. 4

Скоростные железные дороги Европы и Восточной Азии

Рис. 5

ИЗОХРОНЫ 1-4 ЧАСОВ ПЕШЕХОДОВ ОБЩЕСТВЕННЫМ ТРАНСПОРТОМ ОТ МОСКВЫ И ПАРИЖА В НАЧАЛЕ XXI В.

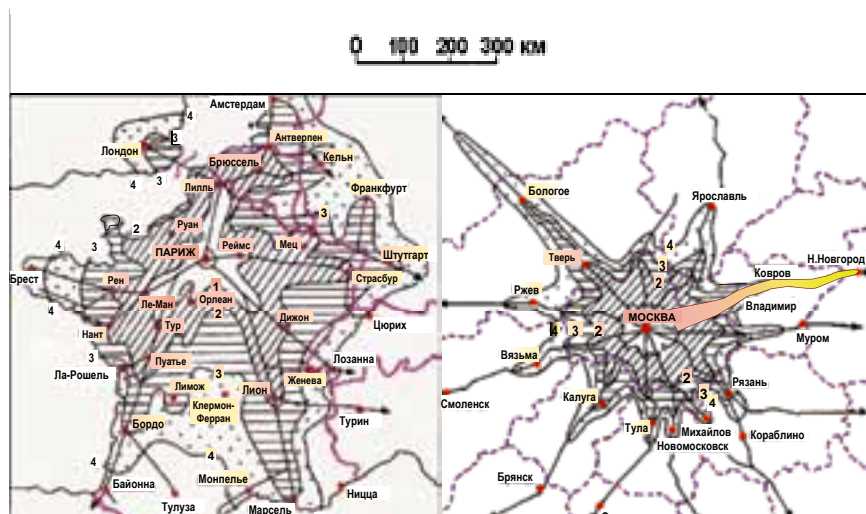

Рис. 6

не включён, вроде Едигея Буранного⁹ у Чингиза Айтматова, который 40 лет никуда не уезжал со своего полустанка.

Сейчас в России, как и в 1830-х годах, когда развернулась эта острая критика безбрежности России, страшны не столько физические расстояния, сколько отставание в способах их преодоления. Посмотрите на карты скоростных железных дорог в Европе и в Восточной Азии. Мы, между прочим, выгладим здесь очень слабо, хотя карта нам льстит. Оранжевое «плечико» между Москвой и Нижним Новгородом означает, что скорость там должна достигать 250 км в час (рис. 5). Но посмотрите расписание «Сапсана»: четверта с чем-то километров из Нижнего в Москву он идёт четыре часа, т.е. со скоростью 100 км в час. А в Китае то же время предусмотрено для поездов новой скоростной линии Пекин — Шанхай, длиной 1318 километров, где в ходе испытаний установлен мировой рекорд: 486 км в час.

На рис. 6 показано, как выглядят изохроны¹⁰ общественного транспорта Парижа и Москвы (здесь и железные, и автомобильные дороги). Как видите,

⁹ Герой романа Ч. Айтматова «И дольше века длится день» (в 1980 г. вышел под названием «Буранный полустанок»).

¹⁰ Изохрона — линии на географической карте, схеме, соединяющая точки с одновременным наступлением какого-нибудь природного явления (напр., таяния снегов, вскрытия рек и т. п.).

Рис. 7

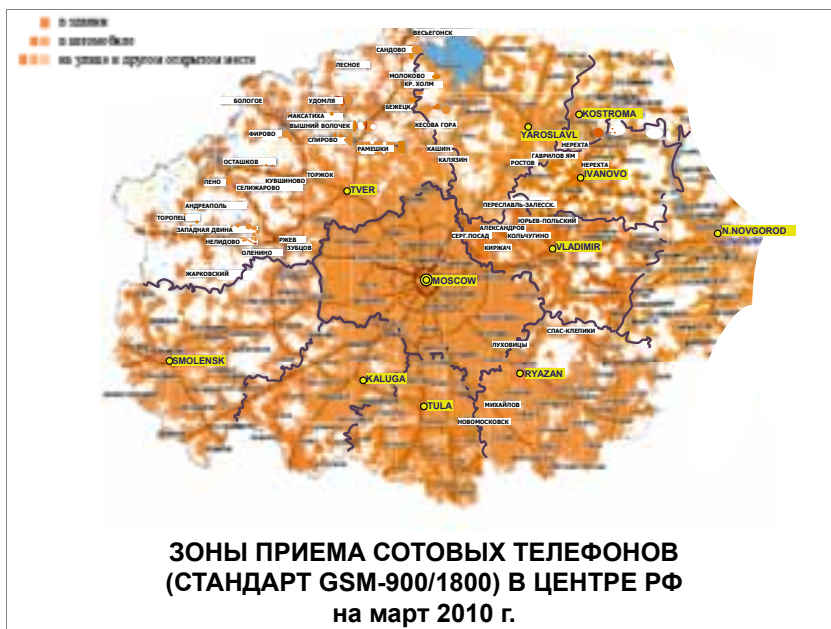
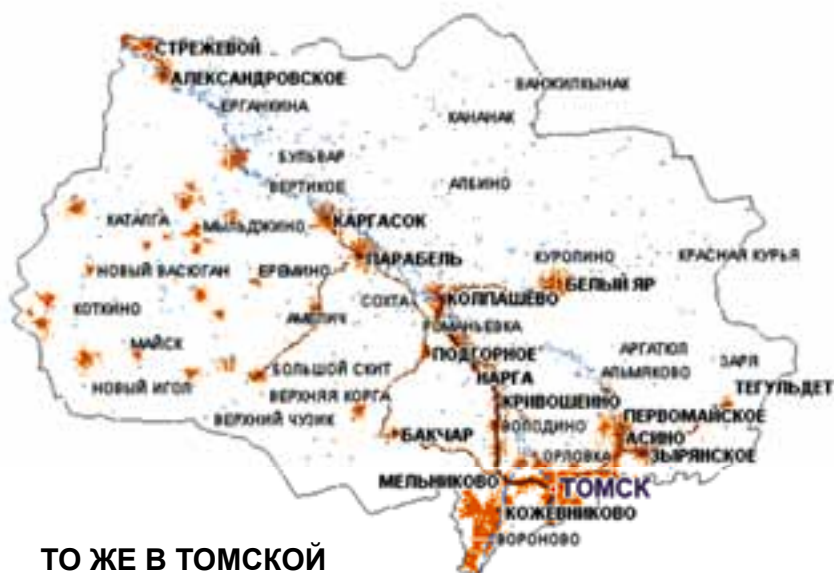

Рис. 8

ТО ЖЕ В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Рис. 9

по доступности это совершенно разные площади. У нас изохроны вытянулись довольно далеко только по Октябрьской железной дороге на северо-запад и недавно — чуть-чуть на Нижний Новгород. Но в целом об уровне доступности по времени сообщения с Парижем во Франции и сопредельных с ней странах пока остаётся только мечтать.

Социальная доступность при тех же дистанциях варьирует ещё сильнее. Могу привести только собственный совместно с картографами единственный опыт измерения, причём довольно давний. Были взяты центры регионов России, расположенные на сети железных дорог. Их доступность для москвичей и доступность поездки в Москву для жителей этих центров оценивалась отношением цены билета к среднедушевому доходу в Москве и в регионе. На рис. 7 красным цветом показаны эти условные дистанции-доступности в 1985 году, а синим — в 2001 году. Получилось, что для москвичей страна стала ближе, а вот Москва отдалилась для большинства провинциалов (за исключением Сургута, то есть нефтяного Приобья, Петербурга и Самары, где выше доходы). Кроме социальной векторности здесь видна инверсия пространства: например, Москва оказалась дальше всего для жителей не Южно-Сахалинска, а Читы. К сожалению, на этом мой опыт закончился, я понимаю, что он уже устаревший, но не могу найти квалифицированных помощников для его обновления.

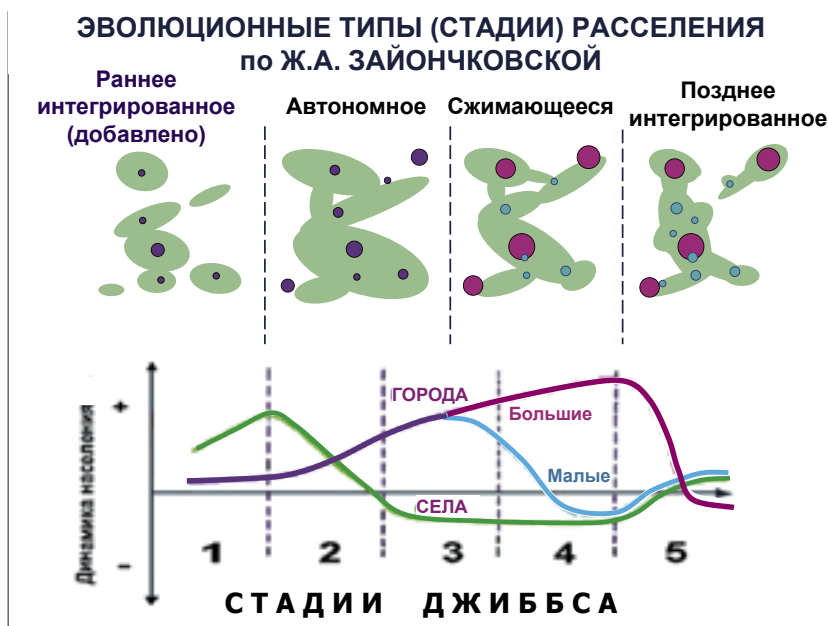

Рис. 10

Связь. Казалось бы, появление электронных средств связи — это такой прогресс, который буквально уничтожает расстояния и пространство: когда-то скорость передачи информации была равна скорости гонца, а теперь она практически мгновенная (рис. 8). Но если посмотреть на зоны приёма сотовых телефонов в центре России, то даже здесь много лагун, особенно к северу от Москвы. А если взять такую же по площади Томскую область, причём не самую бедную и ещё не самую пустую в России, то получится картина, изображённая на рис. 9. Кстати говоря, эти ареалы покрытия сотовой связи отражают размеры и формы нашей сегодняшней ойкумены куда точнее, чем быстро устаревающие карты плотности населения.

Локационное сжатие-стягивание. Я уже говорил, что потери «страдающей стороны» малозаметны, пока они относительно. Как только эти потери становятся абсолютными, мы их замечаем и относимся к ним болезненно. Но за этим явлением стоят определённые закономерности расселения, стадийные закономерности. На рис. 10 изображены две такие схемы, соединённые в одну картинку. Логика примерно такая же, как при демографическом переходе, но только применительно к системе расселения, росту городов и пространству между ними.

Фактически классическая иллюстрация к тем же самым стадиям — на рис. 11.

Историческая эволюция расселения в районе Москвы

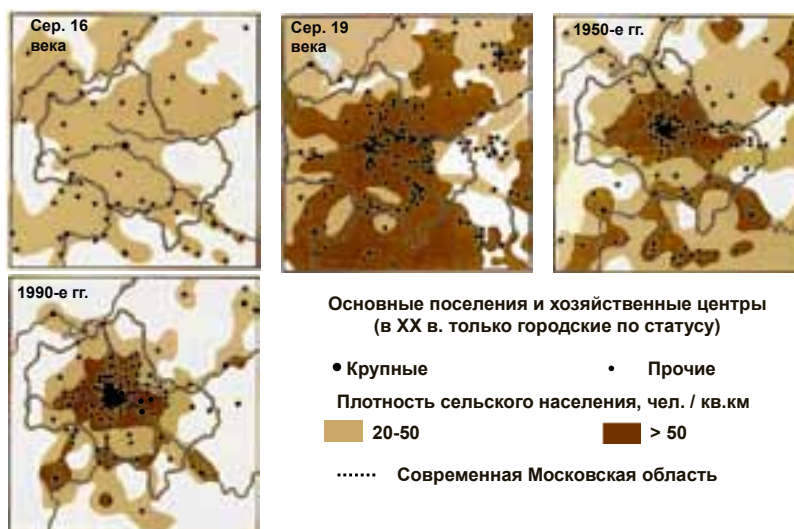

Рис. 11

До каких же пределов можно сжиматься? Абсолютные пределы, хотя бы абсурдные, подсчитать нетрудно (рис. 12). Если мы попытаемся просто выстроить человечество не очень тесно, уделив каждому один квадратный метр, толстым будет просторно среди худых, то такая колонна или каре займёт всего лишь столичный датский остров Зеландия, то есть Копенгаген «с огородами»¹¹. По два квадратных метра требуется, чтобы уложить или похоронить, извините за такое шокирующее допущение, всех людей. Тогда понадобится Черногория или, скажем, Багамские острова, — у них та же площадь. Общий одноэтажный дом для всех землян при норме 20 кв. метров площади на человека уместится в стране побольше — Непале или Бангладеш, хотя последнюю считают и без того очень перенаселённой. Положив на душу 0,23 гектара (нынешняя среднемировая обеспеченность пашней), это чтобы прокормиться, — надо будет распахать всю Россию. Ну и чтобы получить нормальный, вполне пригодный для обитания сельский ландшафт с лугами и пастбищами (0,4 га — это обеспеченность всеми угодьями у китайцев), человечеству понадобится вся Африка, только без островов и внутренних вод.

Для России, естественно, все цифры гораздо меньше (рис. 13). Нас можно выстроить или уложить в некоторых провинциальных городах,

¹¹ Копенгаген, столица Дании, расположен на о. Зеландия.

АБСОЛЮТНЫЕ ПРЕДЕЛЫ СЖАТИЯ

Расчет площади для компактного помещения жителей Земли

На душу, м ²	1	2	20	2300	4000
Площадь в км ² ; внизу примеры территорий близкого размера					
7 млрд. чел.	7000 о.Зеландия	14 000 Черногория	140 000 Непал	16 100 000 Россия	28 000 000 Африка

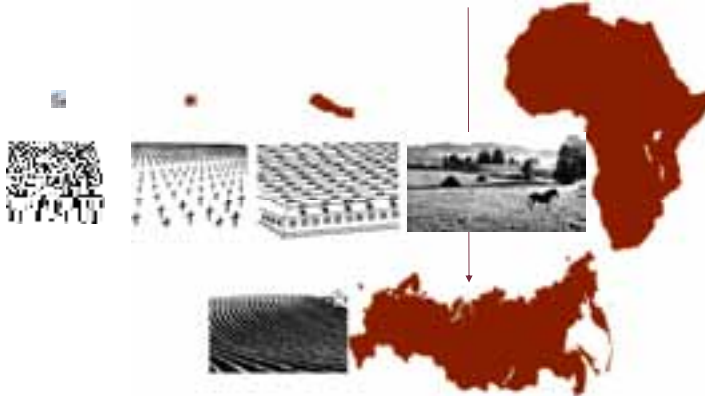

Рис. 12

АБСОЛЮТНЫЕ ПРЕДЕЛЫ СЖАТИЯ

Расчет площади для компактного помещения жителей России

На душу, м ²	1	2	20	2300	4000
Площадь в км ² ; внизу примеры территорий близкого размера					
143 млн чел.	143 г.Кострома или Западный АО Москвы	286 г.Владикавказ или Курортный р-н Петербурга	2 860 Ингушетия или о. Готланд	328 900 Южный ФО без полу- пустынь	572 000 ЮФО+ЦЧР

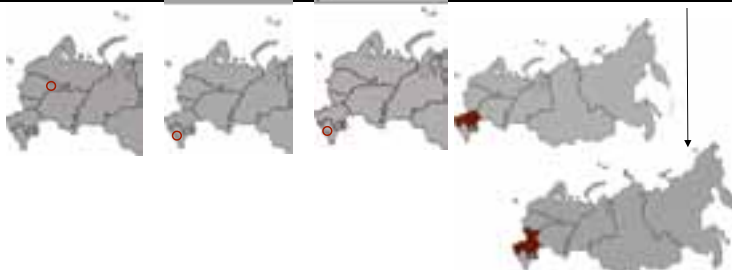

Рис. 13

ОБЩАЯ СХЕМА ОСВОЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА

$I_1 - I_5$ – последовательные волны инноваций

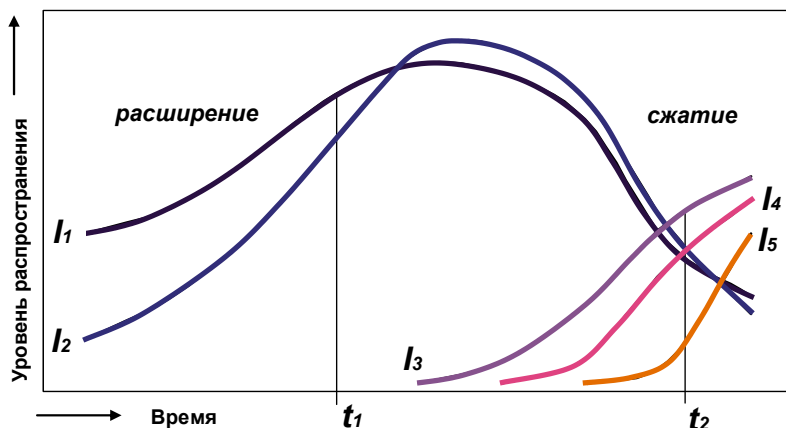

Рис. 14

даже в частях этих городов. А чтобы поселить, нужна территория самого маленького субъекта — Ингушетии. Не так много нам надо, чтобы прокормиться по тем же самым нормам. По среднемировой норме Южный Федеральный округ (без его полупустынь) вполне способен прокормить Россию на пашне. А если добавим центрально-чернозёмные регионы, то мы разместимся в довольно пристойном сельском ландшафте.

Понятно, что стягивание сильнее всего лимитируют землеёмкие отрасли хозяйства, особенно сельского, и что представления о просторе не одинаковы: теснота, привычная для китайца или индуса, вряд ли устроит финна, россиянина или австралийца.

Оба сжатия имеют отношение к освоению и развитию территории. Коммуникационное сближение — это эффект от расширения сетей транспорта и связи, их доступности, свободы контактов. А локационное стягивание — это встречная волна, она идёт из тех мест, куда не дотягиваются сети коммуникаций, к их узлам. Получается такой социально-географический эффект Тяни-Толкая (англ. push-pull effect) или, по-восточному, «если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе». Причём зачастую идёт тем упорнее, чем легче достигает удалённых мест информация, чем более гламурно-привлекательный образ крупных городов, глобальных столиц рисуют СМИ (когда-то ведь люди в глубинке просто не знали, как живут большие центры).

Наконец, последнее: схема освоения пространства (рис. 14). Понятно, что это определённая пульсация. Она многовидовая и многоволновая. Разные инновации — виды техники, социальные институты, даже целые хозяйственные уклады можно считать макроинновациями — имеют вид определённой волны, как и всё на этом свете.

Давайте посмотрим на момент времени, который здесь обозначен как $t1$: две старые инновации находятся в фазе расширения. И хотя они скоро достигнут своего апогея, мы, наверное, будем считать и по экстраполяции прогнозировать эту стадию освоения пространства как расширение: всё хорошо, и мы будем дальше расширяться. Но вот в момент времени $t2$ эти старые инновации затухают, сворачиваются. Происходит вторичная концентрация, мы теряем освоенные ранее пространства, а новые ещё широко не разошлись. Диагноз и прогноз развития, конечно, будут совершенно иными.

В зависимости от того, в каком масштабе времени и пространства мы рассуждаем, мы будем получать совершенно разные выводы, поэтому у меня нет однозначного ответа — оптимистичного или пессимистичного. Зависит от масштаба.

А. Н. Привалов

Спасибо, Андрей Ильич. Я готов согласиться, конечно, что от масштаба, который мы себе представляем, зависит прогноз, но тут есть одна маленькая деталь. Я боюсь, что временной промежуток, в рамках которого мы можем рассуждать спокойно, раскинувшись в креслах, не торопясь взвешивая плюсы и минусы, сокращается на глазах. Мир становится страшно беспокойным: полное торжество права сильного, какого не было ещё буквально 10–20 лет назад. Очень скоро нам припомнят, что у нас примерно пятая часть мировых ресурсов при населении 2% от мирового; ВВП у нас сами знаете какой с единицы территории, и не пора ли нам подвинуться. Это будет очень скоро. Так что времени у нас не так много, как кажется.

С. П. Капица

У меня есть одно маленькое замечание. По-моему, в очень интересном рассказе о сжатии пространственного времени то же самое надо сказать о сжатии исторического времени. Оно так же сжимается, причём это чётко видно: историческое время есть, грубо говоря, логарифм естественного физического времени. И это надо учитывать в рассуждениях такого типа.

А. Н. Привалов

Если позволите, я предоставляю слово второму нашему сегодняшнему докладчику — Татьяне Григорьевне Нефёдовой. Тема её выступления: «Сжатие и поляризация сельского пространства». Прошу Вас!

Т. Г. Нефёдова

В отличие от Андрея Ильича у меня будет очень приземлённый анализ того, что происходит в сельской России. И поскольку речь идёт о пустеющей России, я больше внимание уделю староосвоенным районам.

Сжатие сельского пространства можно оценивать по разным параметрам: и сокращение населения, и сокращение используемой территории, и смена функций. Есть даже показатели, по которым это можно уловить. Они связаны с изменением расселения, с ухудшением качества социальной среды, с изменением хозяйственной деятельности и просто сжатием сельскохозяйственного землепользования, что больше всего бросается в глаза и волнует людей. Я хочу сразу сказать, что локационное сжатие

Нефёдова Т. Г.

**Плотность сельского населения Европейской России
в границах административных районов, чел. / км²
(по Д.Н. Лухманову) и крупные города**

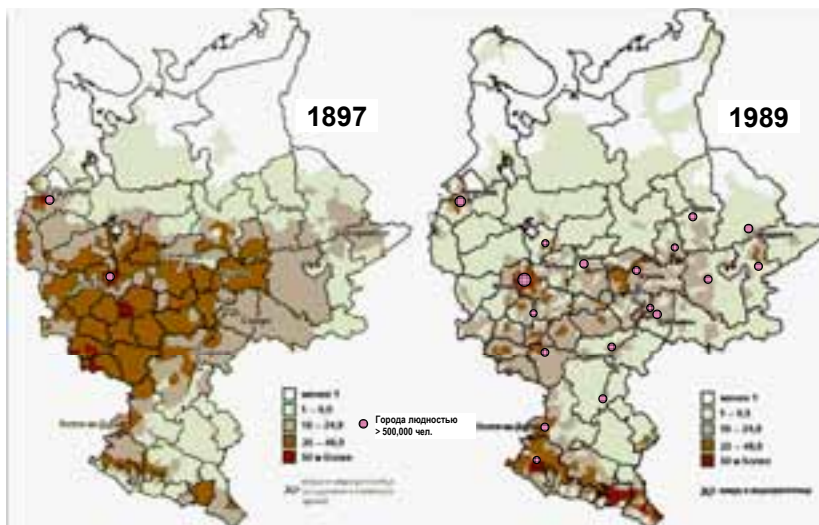

Рис. 15

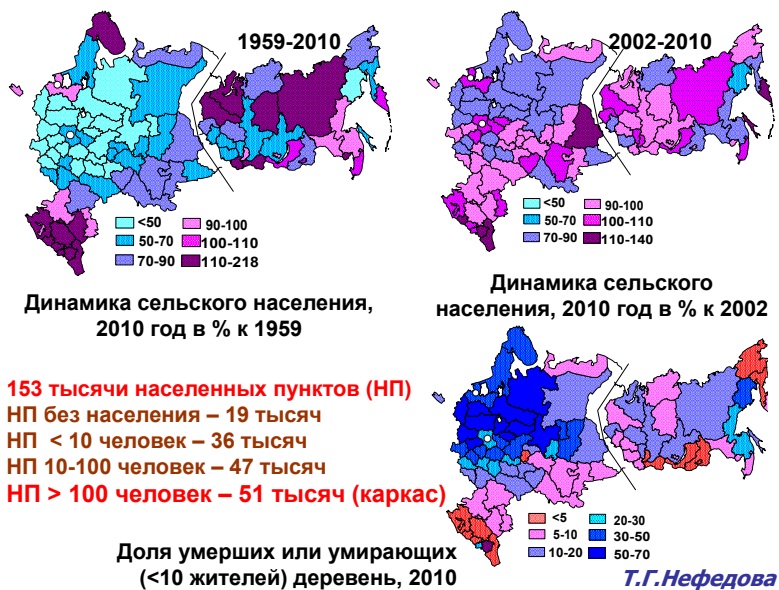

Рис. 16

пространства, о котором говорил Андрей Ильич, не всегда результат упадка, не всегда это плохо. Это может быть результатом модернизации, причём не только транспорта, но и экономики в целом.

Я оттолкнусь от известных карт нашего коллеги географа Д. Н. Лухманова, которые показывают, что произошло с сельским населением России за сто лет (рис. 15). Мы видим, что сто лет назад (в 1897 г.) это была аграрная страна, в которой 87% населения жило в сельской местности с довольно высокой плотностью. В наше время эта сплошная закрашка выглядит отдельными очагами.

Давайте посмотрим более подробно, что же происходило. Оставим в покое сложные годы первой половины XX века, рассмотрим последние пятьдесят лет. Сельское население, тем не менее, убывало, причём особенно сильно до 1990 г. при положительном в среднем естественном приросте. Зона, где население сократилось больше чем в два раза, очень обширна и охватывает территорию вокруг Московской области и между Москвой и Санкт-Петербургом (рис. 16).

В настоящее время этот процесс продолжается, хотя и не так интенсивно. Это говорит о том, что урбанизация в России не завершена. Даже в 2000-х годах население севернее Московской области продолжало убывать и за последние восемь лет между переписями уменьшилось на 10–20%. Из 153 тыс. сельских населённых пунктов России 55 — это фактически умирающие, то есть без населения или с числом жителей менее десяти человек. Если мы посмотрим расклад по размеру сельских населённых пунктов, то увидим, что реально жизнеспособных (где осталось более ста человек) — всего треть, и большая их часть на юге. Две трети, так или иначе, будут постепенно потеряны, если современные процессы сохранятся.

Я предлагаю на ту же проблему посмотреть несколько с иной стороны. Ведь это проблема не только деревни, это проблема крупных городов, в том числе и Москвы. Когда у нас в регионах безработица, а в Москве — огромный рынок труда, когда зарплаты в Московской области в два раза выше, чем в окружающих её районах, а зарплаты в Москве выше, чем в Московской области, то любой нормальный человек, естественно, будет ехать туда, где есть работа и деньги (рис. 16).

В Москве около миллиона трудовых мигрантов плюс все последние годы — постоянный положительный миграционный баланс. Московская область, правда, обогнала Москву по удельному миграционному приросту, но в столице постоянное население за счёт миграции ежегодно увеличивается на 50 тысяч человек. Примерно половина всего положительного миграционного баланса России — это Москва и Московская область. Происходит мощнейшая гиперцентрализация и доходов, и населения.

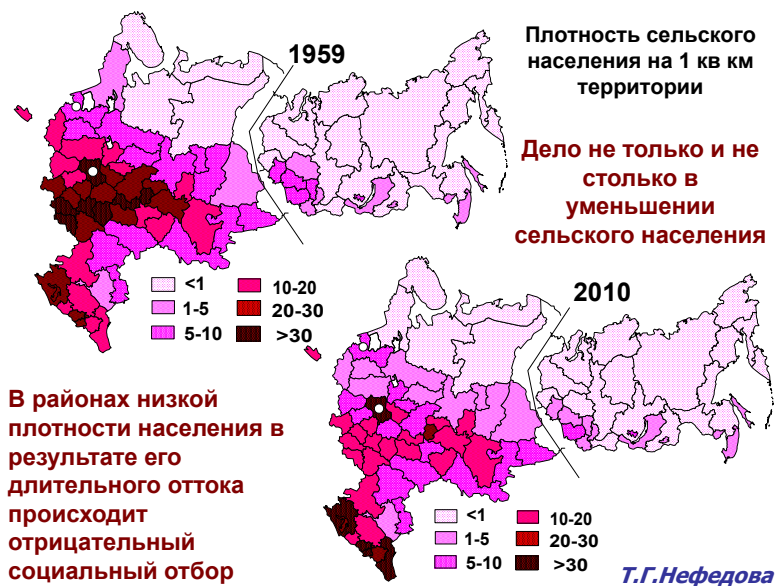

Рис. 17

Рис. 18

И с расширением Москвы она, безусловно, усилится — за счёт строительства, новых рабочих мест и т.п. Мы должны отдавать себе в этом отчёт.

Плотность сельского населения за 50 лет действительно уменьшилась (рис. 17). Но дело не только в количестве населения. Если весь XX век из поколения в поколение из деревни уезжают наиболее активные, наиболее молодые люди, происходит так называемый отрицательный социальный отбор. И когда говорят, надо, чтобы там нашлись активные люди, и тогда всё будет хорошо, — не понимают, что эти люди давно уже в Москве, в крупных городах, а из села они сбежали.

На самом деле не всё так плохо. Если мы посчитаем плотность сельского населения не на всю территорию (в Нечерноземье много лесов, болот), а, допустим, на сельскохозяйственных угодьях, то обнаружим, что плотность населения не так мала даже в этих районах, которые, казалось бы, потеряли большую его часть (рис. 18). Но — первое: из-за того же отрицательного социального отбора мотивация деятельности у населения понижена. И второе — у тех, кто хочет работать, работы нет. К тому же постепенно идёт переход от землеёмкого колхозного сельского хозяйства на неземлеёмкие виды деятельности. Отсюда эффект пустеющего пространства.

Давайте посмотрим, чем люди могут заниматься в нечернозёмной зоне, где главным было сельское и лесное хозяйство. Да, здесь остаётся лесное хозяйство: вырубки леса, кое-где есть деревообработка. Но с ликвидацией крупных советских леспромхозов и оно сжалось к более освоенным районам, так как некому стало поддерживать лесопромышленную инфраструктуру. Но эта отрасль и не требует сплошного освоения. А что происходит с сельским хозяйством? На карте в нижнем правом углу на рис. 18 показаны районы, доля которых в общероссийском агропроизводстве увеличилась или уменьшилась за последние 20 лет. Мы видим, что производство весьма заметно сдвинулось к югу. Почему это произошло?

Сначала несколько слов о природных предпосылках сельского хозяйства (рис. 19). Районы с благоприятными условиями для сельского хозяйства невелики. Это равнинный Северный Кавказ, Центральное Черноземье. Даже если добавить умеренные по температуре и не сильно засушливые районы Поволжья, юга Урала и Сибири, всё равно это составит 14% территории России.

Исторически освоение шло так, что наше сельское хозяйство было излишне сильно сдвинуто в районы с неблагоприятными для сельского хозяйства природными условиями. А в советское время ориентация на самообеспечение регионов это только усилила. Проведём маленький эксперимент. Передвинем некоторые наши области в другое полушарие по той же широте. Мы все думаем, что, например, Самарская область — это

Природные предпосылки заустения

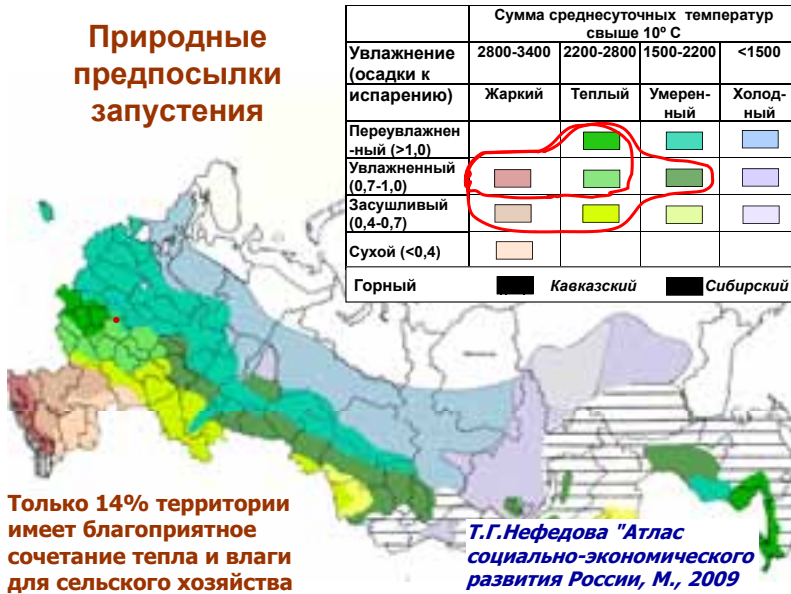

Рис. 19

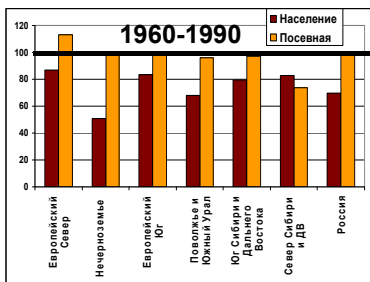
Рис. 20

крупный сельскохозяйственный регион, это по нашим понятиям почти юг. Но она оказывается даже не на юге Канады, а на 800–900 км северо-западнее Монреаля. Я уж не говорю о Нечерноземье. В Канаде никому в голову не приходит распахать эти лесные территории. И даже наши благодатные Ставропольский и Краснодарский края — это северные окраины США. Мы видим, что у нас очень долго не умели считаться ни с природными, ни с социальными ограничениями, зато очень хорошо умели использовать административный ресурс и заливание деньгами для поддержания неэффективного сельского хозяйства в природно-маргинальных районах (рис. 20).

На графике (рис. 21) показано, как это выглядело. В 60–90-е годы население в Нечерноземье активно уменьшалось (тёмные столбцы), а посевные площади держали любой ценой, нельзя было сократить ни один гектар. Агропредприятия держали гораздо больше земли, чем они могли обработать, урожаи часто уходили под снег — именно это привело к такому обвальному сжатию землепользования в 1990-х гг. И мы видим, что население в последние двадцать лет уменьшилось не так сильно, как прежде, а пашня очень резко сократилась. Такое стремление к пространственному расширению сельского хозяйства — это что, ошибки советских властей? Или это всё-таки некий российский феномен использования пространства?

В своей книге «Сельская Россия на перепутье» я активно цитировала Афанасия Фета, которого мы знаем как поэта, но Афанасий Афанасьевич был одним из первых успешных фермеров России, он написал много заметок о своём хозяйстве — «Писем из деревни» и т.д. Ещё 150 лет назад Фет писал: «Вместо того чтобы умненько возделывать землю, ограничивались тем, что ширили во все стороны пашни». Это нечто очень присущее России.

Вывод земель и эта пустеющая территория, о которых мы сейчас говорим, воспринимаются болезненно. Но на самом деле Россия не уникальна. За сорок лет, с 1960-х по 2000-е годы, в России было выведено из оборота около 20% сельхозугодий (рис. 22). Это не худший показатель в мире. Конечно, по объёму — страна-то большая — это очень много. Но довольно много сельхозугодий было выведено и в США. Другое дело, что в США и в Европе это проводилось постепенно: по мере урбанизации уменьшалось сельское население, изменялась технология, повышалась производительность труда в сельском хозяйстве. У нас же это произошло резко, неуправляемо, болезненно, поэтому всё так тяжело воспринимается. Хотя и там в своё время это воспринималось тяжело. Есть замечательная книга Э. Мартона «Центральная Европа», изданная в 1938 году. Её почитать — это современная Россия: те же проблемы бегства сельского населения, те же пустеющие земли, те же плачи и о том же.

Динамика сельского населения и посевной площади по макрорегионам в %

Агропредприятия, держали гораздо больше земли, чем были в состоянии возделывать. Это и привело к обвалному сжатию землепользования в 1990-х.

Т.Г.Нефедова

Ошибки советских властей? или эффект пространства?

"Вместо того, чтобы умненько возделывать землю, ограничивались тем, что ширили во все стороны пашню."

А. Фет. Из деревни, 1863

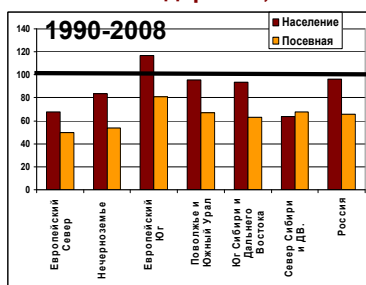

Рис. 21

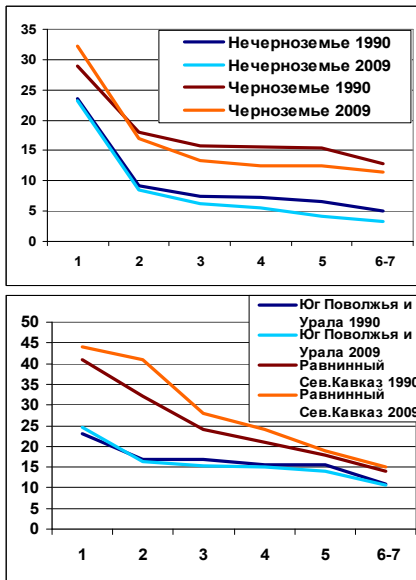
Вывод сельскохозяйственных земель из использования за 1960-2001 г.

Данные Д.И.Люри (Институт географии РАН)

Страна	Выведено земель, тыс.км ²	В % от максимальной площади сельхозземель
Япония	19,3	27,1
Италия	52,4	25,3
РОССИЯ	465,2	20,9
Великобритания	28,5	14,4
Франция	49,8	14,4
Германия	25,6	13,1
США	356,4	8,0

В США и Европе – постепенно с повышением отдачи земель, в России – резко, неуправляемо и болезненно.
Современная Россия = Мартон. Центральная Европа, 1938

Рис. 22

**Внутри субъектов РФ
Влияние городов и
социальная поляризация**

**Плотность сельского
населения в 1990 и 2009 гг.
внутри субъектов РФ по мере
удаления от областного
центра**

1 – пригород, 2 – соседи второго
порядка..., 6-7 соседи 6 и 7
порядка

**Дело не столько в
кризисе и реформах,
сколько в каких-то более
глубинных причинах,
связанных
с особенностями
организации
пространства в России.**

Т.Г.Нефедова

Рис. 23

Мы видим, что в России всё чётче проявляются объективные различия «север — юг». И то, что сейчас происходит, — это нормальное территориальное разделение труда, когда землеёмкие отрасли, прежде всего сельское хозяйство, сдвигаются в те территории, где есть природные и трудовые ресурсы. Это неизбежный процесс, если мы хотим иметь эффективное сельское хозяйство. Но есть ещё одно объективное различие, тоже присущее России в связи с её большим пространством. Это различие «пригород — периферия». Оно связано с редкой сетью больших городов, потому что влияние больших городов на окружающую сельскую территорию сильное, и оно усиливается.

Посмотрите, что происходит с сельским населением. На горизонтальной оси (рис. 23) приводятся районы по мере удаления от областного центра: пригород, то есть район, сосед первого порядка по отношению к главному городу региона, дальше — сосед второго порядка и т.д. до периферии, до отдалённых районов. Мы видим, что везде, во всех макрорегионах плотность сельского населения внутри областей падает от пригорода к периферии. Причём максимальные различия в Нечерноземье (голубая кривая) — почти в десять раз. Эта ситуация сформировалась уже до 1990 года, а за последние двадцать лет она только ухудшилась. И даже в южных районах, где население прибавлялось, всё равно — где оно прибавлялось? В пригородах.

Получается, что дело-то не только в кризисе 1990-х гг., не в неудачных реформах, на которые сейчас всё любят валить, а в каких-то глубинных причинах, в некоей постоянно воспроизводящейся *организации* российского пространства. Будь то капитализм или социализм, план или рынок — это пространство вновь и вновь воспроизводится. Яркий пример — Костромская область, типичное Нечерноземье. Всюду произошло уменьшение сельского населения, его численность сохранилась только в пригороде Костромы (рис. 24). А вот другой показатель — надой молока от одной коровы (график в нижнем углу справа). Казалось бы, где должны быть максимальные надои? Там, где много травы, где много пастбищ, где сейчас заброшенные поля, — на периферии. Ничего подобного. Уже к 1990 году максимальный надой был в пригородах и уменьшался к периферии области. В конце 1990-х в результате сильного кризиса сельского хозяйства надои уменьшились всюду, но «рельеф-то» остался тот же. Сейчас агропроизводство в области восстанавливается, но где максимальная продуктивность? Опять же в пригородах.

В результате сельская местность России — давно уже архипелаг островов вокруг больших городов (рис. 25). Это не новая ситуация, она сформировалось ещё в советское время, только сейчас выявляется всё более отчётливо. На смену экстенсивному, землеёмкому приходит очаговое, арельное и даже точечное освоение.

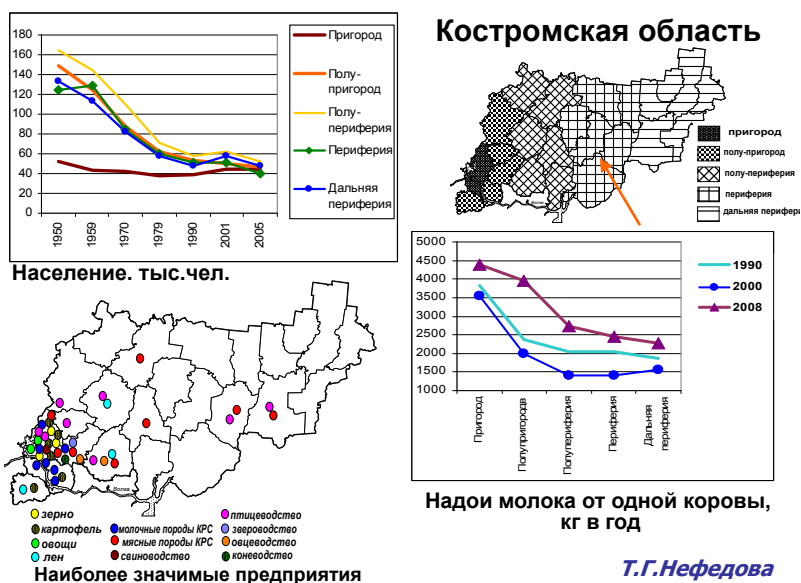

Рис. 24

Поляризация агропредприятий

Т.Г.Нефедова

Сельская местность в Нечерноземье – давно уже архипелаг островов вокруг городов.

На смену землеемкому экстенсивному освоению приходит ареальное, очаговое и даже точечное освоение, к которому наши власти совершенно не готовы.

Опорный каркас развития сельского хозяйства, исходя из природных и социально-демографических предпосылок и ограничений составляет: в Нечерноземье – 10-20% бывших сельскохозяйственных угодий, вместе с югом – около трети сельскохозяйственных угодий России.

Рис. 25

Надо сказать, что наша власть и население к этому абсолютно не готовы, хотя для России, я считаю, это, в общем-то, нормальный процесс. Но благоприятные социально-демографические и инфраструктурные условия для того типа хозяйствования, что существовал в Нечерноземье, имеют лишь 10–20% территорий, а всего вместе с югом это чуть более трети сельскохозяйственных угодий России. Конечно, есть исключения. Но мы говорим о типичных, массовых явлениях.

Что происходит на пустеющих территориях? Покажу локальный пример: периферия Костромской области, типичный советский колхоз, сейчас — сельскохозяйственный производственный кооператив (рис. 26). Все земли вокруг поселений осваивались и засеивались зерновыми с урожайностью 5–8 центнеров с гектара. Зерно было просто золотым. Сейчас посевная площадь уменьшилась в десять раз. Большая часть пашни и лугов заброшены и зарастают лесом, осталось два-три поля. В десять раз уменьшилось население.

При этом не надо строить иллюзий, что на заброшенных землях этого колхоза появится много фермеров. Они там тоже не «выживают» из-за деградации социальной среды, отсутствия надёжных работников и элементарной инфраструктуры.

Таким образом, дополнительно к общим барьерам развития частной инициативы в деревне в виде неблагоприятной институциональной среды,

Рис. 26

засилья бюрократии и т. п. в нечерноземной глубинке прибавляются свои барьеры, связанные как с природными (заболоченность, бедные почвы, мелкоконтурность), так и с социально-демографическими и инфраструктурными ограничениями. Это выталкивает даже тех мигрантов, которые поначалу готовы были приехать и работать в деревне.

У нас прижилось фермерство, оно работает, но оно работает на юге, где около трети зерна производят фермеры. Фермеров немало в пригородах и полупригородах, где более плотная экономическая среда и более активное население. А что же происходит на периферии, что может быть на этих пустующих территориях? Около 25% трудоспособного населения — в разной стадии алкоголизма, большинство из них — безработные, но некоторые числятся в кооперативе. Какие из них работники — понятно, недаром и пашет, и сеет сам председатель: не на кого положиться, 20–30% трудоспособных периодически трудятся «на отходе» в Москве и Московской области. Главная задача, на мой взгляд, — не возвращение всех этих заброшенных земель в сельское хозяйство, а возвращение части «отходников» в деревню. Ведь это работоспособные мужики. Сейчас это последняя надежда для пустующих территорий, горожане не поедут туда жить постоянно.

Мы должны говорить не о расширении землепользования — мы должны продумывать модели управляемого хозяйственного сжатия. Это очень

Модели управляемого хозяйственного сжатия

не остановят сжатия освоенного пространства, но, увеличив очаговость освоения, спасут тотального забрасывания земель

Сохранение колхозов возможно, но выживут 10-40%

- 3 типа предприятий:**
- 1 - опекаемых районом (МУПСы)**
 - 2- части локальных агрохолдингов**
 - 3 – колхозы, превратившиеся в небольшое частное хозяйство председателя**

Рис. 27

важно, иначе мы вообще потеряем эту территорию. Могут там быть колхозы? Могут. Но выживут 10–40%. Есть даже примеры таких предприятий. Они меняются по форме (рис. 27). Например, МУПСы — предприятия, находящиеся под опекой районных муниципальных структур, или агропредприятия, включённые в локальные или региональные агрохолдинги. Многие бывшие колхозы в глубинке формально числятся кооперативами, а на самом деле они давно уже превратились в фермерские хозяйства своих председателей, где работает он сам и несколько надёжных работников. Просто им так удобнее — ничего не переоформлять, включая и накопленные долги. Возможно и возвращение части заброшенных земель в сельское хозяйство. Московские агрохолдинги, которых выжимают из Подмосковья коттеджи и строительные фирмы, выносят свои землеёмкие загрязняющие производства в соседние области на периферию, но не очень далеко.

Вот пример: в Смоленской области вы едете среди полной разрухи, поля заброшены, стоят скелеты бывших животноводческих комплексов. И вдруг видите этакий «вставной зуб». Это откормочный свинокомплекс московского Останкинского мясокомбината (рис. 28). Это тоже есть, но очень точно, выборочно, не меняя пустеющего пространства в целом.

Может ли изменить ситуацию мелкий частный бизнес? Товарный потенциал личного подсобного хозяйства сравнительно мал. Только менее

Выборочное
сельскохозяйственное
вторичное расширение
освоенного пространства

- вынос земельки
и загрязняющих
производств крупных
агрохолдингов из
Московской области

Смоленская область,
Вяземский район,
220 км от Москвы

Откормочный
свинокомплекс,
подразделение
Останкинского
мясокомбината
в Москве на
фоне местной
разрухи

Рис. 28

15% местных домохозяйств, по нашим опросам, готовы его расширить, если помочь с деньгами и с организацией сбыта. Но люди готовы собирать грибы и ягоды. Некоторые в сезон неплохо на этом зарабатывают. И то и другое требует стимулирования инфраструктуры сбыта как на муниципальном, так и на коммерческом уровне.

Есть ещё один очень важный фактор частичного сохранения пустующих территорий. На самом деле давно идёт их вторичное освоение, но оно особое — это дачники. Об этом мало пишут. Тем более ни в каких федеральных и региональных стратегиях развития села о дачниках нет речи. Но это очень важный фактор. Когда мы говорим «дачники», мы сразу представляем себе пригороды. На самом деле в России три вида дач: ближние дачи, среднеудалённые дачи и дальние дачи. И в удалённой нечерноземной глубинке их роль особенно важна.

Приведу пример дальних дач, которые мы уже несколько лет подробно обследуем на базе Угорского проекта. Это 600 км от Москвы, Костромская область, периферийный район (рис. 29).

Посмотрите, что там происходит: в центральном поселении в Угорах уже треть собственников составляют москвичи (по доле дачников среди собственников земельных участков). В малых деревнях — до 70–90%. Московские дачники там ничего не строят, они покупают покинутые

Московские дачники в очагах на периферии Костромской области
Угорское поселение, 600 км от Москвы

Без местных жителей дачники существовать не могут

	Земельные участки собственности, в число		Доля дачников среди собств. Земли, %
	Местные	Дачники	
Угоры	99	46	32
Давыдово	16	14	47
Медведево	4	15	79
Хлябишино	31	20	39
Дмитриево	1	12	92
Аносово	14	13	48
Зашильское	5	12	71
Бажино	0	7	100
Полома	4	12	75
Ступино	1	10	91

Рис. 29

сельские дома, живут в них в основном летом, тем самым их сохраняя. Это особые дачники, в большинстве интеллигенция среднего достатка. Они создают новую социальную среду. Они стимулируют личное подсобное хозяйство местных жителей. Плюс три четверти местного населения имеет детей в городах, и они тоже приезжают, и это тоже дачники. Конечно, дачники не сохраняют колхозное сельское хозяйство. Сельскохозяйственная территория будет сжиматься, однако сохраняются целые деревни, а тем самым сохраняется социальный контроль над территорией. Но без местных жителей дачники в такой разреженной социальной среде существовать не могут. И как только умирают или уезжают к детям в город последние бабушки, дома в деревне дачников начинают зимой разорять.

Мы видим, что понятие «деревня» в России довольно условно, даже в удалённых районах. Это давно уже сельско-городской континуум. И в нём происходит явное усиление роли центральных мест. Идёт концентрация населения и сельского хозяйства вокруг больших городов, на юге. Но на остальной пустеющей территории очень важно сохранять очаги имеющейся жизни, хотя они объективно тают. Главное, на мой взгляд, не усиливать процессы депопуляции. Что сейчас делают власти? Идёт объединение сельских поселений (не отдельных деревень, а их целых групп). В Нечерноземье это приводит к тому, что многие деревни оказываются удалёнными от центра

поселения на 15–20 км без регулярного сообщения, элементарной социальной инфраструктуры, и население уезжает с удвоенной силой.

Модели экономического сжатия нужны для повышения эффективности хозяйства. Но они должны сочетаться с поддержкой имеющейся элементарной социальной инфраструктуры там, где ещё есть население и куда пришли дачники.

А. Н. Привалов

Спасибо, Татьяна Григорьевна. Очень интересно, но я бы сказал, что есть одна странная вещь, которая мне представляется просто дикой: то, о чём Вы говорили, будет продолжаться и ухудшаться, пока мы строим за год дорог меньше, чем китайцы за неделю. Вот Вы говорили о пятом, шестом соседе Костромы. Пятый, шестой сосед Костромы от первого соседа Костромы отличается 30 километрами. По хорошей дороге — это 20 минут. Отличия нет. Но то, что мы видели, — это карта бездорожья. Давайте продолжать так и впредь, — тогда население вообще будет жить только на Красной площади. Вот так будет красиво!

Я позволю себе предоставить слово Леониду Викторовичу Смирнягину: «Перестройка российского пространства». Прошу Вас.

Л. В. Смирнягин

Вы знаете, мне шёпотом сообщили, что я приглашён для того, чтобы демпфировать предыдущих двух ораторов, поскольку было заведомо предположено, что описание России двумя специалистами даст картину совершенно душераздирающую. Но мне кажется, согласитесь, они обманули мои ожидания: довольно умеренные слова! У Тани [Нефёдовой] в заключение — вообще оптимистические. Но, тем не менее, я, слушая её, как американист вспоминал экономическую историю США. Процессы, о которых говорила Нефёдова, развитые страны типа США прошли примерно полвека назад.

В истории американской экономики есть такие заветные цифры: 30, 30, 30. В 1930 году 30% занятых было в промышленности и 30% — в сельском хозяйстве. В 1950 году в сельском хозяйстве осталось 7%. Десятки миллионов людей были выброшены пинком под зад из сельского хозяйства! Это была чудовищная трагедия для миллионов семей, однако Америка через это прошла. Сейчас в сельском хозяйстве США занято меньше 1%. Этот один процент заваливает всю страну продуктами, треть их продукции вывозится за границу: 200 млн тонн кукурузы, 60 млн тонн пшеницы и т. д.

Кто мы такие, чтобы нас это миновало? Конечно же, мы должны через это пройти. Это будет довольно тяжело, но ничего с этим не сделаешь. Поэтому всё это съёживание, сжатие и тому подобные вещи неизбежны.

Смирнягин Л. В.

Я хотел бы поделиться с вами наблюдениями, как довольно быстро меняется наше российское пространство, поскольку изменились задачи, ради которых система расселения была построена. Сегодня утром, в другом месте, я обсуждал с Симоном Кордонским (профессор Высшей школы экономики. – *Ред.*) сходные проблемы. Он сказал, что в принципе можно представить себе, что существуют столыпинская и сталинская системы расселения. Каждая из них была функциональной в соответствии с поставленными задачами. Задачи исчезли — схема осталась. И эта схема постепенно деградирует, превращается в некую другую. Что происходит с нашей системой, поскольку очень сильно поменялись задачи? Я перечислю их не по значимости, а скорее по яркости.

Прежде всего, мне кажется, происходит действительно сжатие, о котором говорили предыдущие выступающие, в виде зон влияния городов разного масштаба. Вместо площадной, районной организации страны мы приходим к совокупности зон влияния крупных городов. Это нормальный

процесс, преобладающий в развитых странах. В США он давным-давно уже набрал силу и стал самым главным. Нам вроде бы, честно говоря, рановато, но по ряду обстоятельств у нас этот процесс идёт очень быстро, конечно, из-за таяния населения.

Мне кажется, именно это преобразование в такие зоны тяготения резко меняет ситуацию в стране. Уже принято считать, что у нас есть, скажем, семь-восемь субстолиц. Помимо Петербурга это, например, Нижний Новгород, Екатеринбург, Ростов-на-Дону, Самара, Новосибирск. В известной мере на это претендует Хабаровск. При каждом из них есть свои дубли — типа Владивостока при Хабаровске, Саратова при Самаре, Перми при Екатеринбурге и пр. Такого сорта вещи явно, конечно же, образуются.

При этом процесс стягивания в такие зоны резко усугубляется жуткой депопуляцией страны, который застаёт нас врасплох, хотя бог знает когда наш великий демограф Урланис предупреждал, что это неизбежно произойдёт. Я хочу сказать, что многие передовые страны проходят и пройдут через это к 2050 году.

Недавно я видел такой просто утрашающий роскошный график у Джоэла Коткина (научный сотрудник Chapman University): что произойдёт с трудоспособным населением к 2050 году во Франции, Италии, Японии. В Японии численность трудоспособного населения уменьшится на 30%, даже больше — почти на 40%. Более чем на 20% — в Италии, Франции и пр. Все страны описаны таким образом. И только одна страна со страшной силой идёт вверх — это, конечно, США, у которых совершенно другие проблемы: где найти работу для новых 100 миллионов людей, на которые вырастет население Соединённых Штатов.

Депопуляция, в общем-то, процесс мировой и не такой уж он ужасный. Мы не единичны в этом отношении, хотя часто рисуют схемы мировой плотности населения, где Россия выглядит глобально катастрофически. Ну, потому что в других странах это несколько смягчается сильным притоком мигрантов из других континентов, которые доставляют многие другие головные заботы, но, в принципе, как-то демпфируют этот процесс.

Однако согласитесь, — это очень заметно для меня, для многих из вас, наверное, тоже, — что в России возникает такое множество пирамидок — зон тяготения крупного города. В известной мере это связано с древнейшей чертой русской ментальности, с централизмом, что ли, русского мышления или с православием («до Бога высоко, до царя далеко»), господством церкви во главе наших городов и тому подобное. Что-то в этом есть. Вообще центральность русского сознания, несетевые характеры устройства способствуют, конечно, этому.

Второе, что меня сейчас особенно поражает, — это резкий рост регионального самосознания в России. По разным причинам я много езжу по России, прежде всего потому что где-то с 1977 года ежегодно провожу практику со своими студентами. Перемены — гигантские, в том числе гигантский рост регионального самосознания, который заметён хотя бы по результатам опросов. Скажем, когда в 1970-х годах я ещё спрашивал: «Будь ваша воля, где бы вы хотели жить», — чего только не называли, вплоть до Нью-Йорка. Сейчас большинство людей в европейской части говорят: «Ну, где живу, там и буду жить. А чего особенного?». Рост позитивной оценки того, что мы наблюдаем по опросам, ярко выражен.

Это, может быть, во многом связано ещё и с тем, что разрушаются социальные связи старинного плана, и люди ищут способы найти какую-то свою социальную нишу простейшим образом. Землячество в этом отношении выглядит гораздо проще, чем консолидация по каким-то более сложным признакам. Поэтому землячество у нас расцвело очень сильно. К тому же эта чисто русская манера — выталкивать проблемы за свою околицу: виноваты кто-то — ну, не знаю, кавказцы проклятые, жида, американцы, а больше всего Москва, конечно же. И поэтому своё место обитания становится таким вместилищем всего позитивного очень быстро.

Третье, что мне кажется, очень сильно заметно, — это, как академик Полтерович назвал, отставание по фазе. Мы с Татьяной Нефёдовой недавно обсуждали похожие проблемы в связи с этим душераздирающим, нелепым планом расширения территории Москвы в два с половиной раза. Во время дискуссии я попытался найти сочувствие у соратников упоминанием такого тезиса. Множество процессов, которые идут во всём мире изо всех сил, — у нас не идут категорически. В чём дело, не могу понять совершенно!

Скажем, какие надежды были на то, что у нас начнётся развитие агломерации? У нас ведь, наверное вы заметили, каждый год возникает новое слово, которое каждый чиновник должен каркать, как попугай Джона Сильвера (персонаж романа Роберта Льюиса Стивенсона «Остров сокровищ». — *Ред.*). Как попугай кричал: «Пиастры! Пиастры!», — так чиновник должен говорить: «Кластеры! Кластеры!», потом: «Модернизация! Модернизация!».

Сейчас очень модно слово «агломерация». Агломерация категорически не идёт у нас, даже в таких развитых местах, как, скажем, Ростов-на-Дону. Одна из наиболее ярких таких агломераций — Аксай, Таганрог, Азов, Черкасск. Но как агломерация это не проходит по американским меркам. По американским меркам, если из города едет работать в центральный город не меньше 25%, значит, по-видимому, этот город — член агломерации. Мы исследовали года четыре назад: в Азове, из которого виден Ростов, рядышком совсем, едут туда работать лишь 8%, и это считается уже как бы

агломерация. На самом деле по мировым меркам это, конечно, совсем не агломерация.

У нас не идёт субурбанизация. В чём дело? Уже машин полным-полно. Дачи не в счёт, понятное дело, это второй дом, а не первый. Ну не понятно, почему! (**Реплика о дорогах**). Хорошо, пусть плохие дороги. Но, так или иначе, не идёт. Есть надежда, что появятся дороги, и... Но не только дороги. Там гораздо ниже уровень школ, медицинское обслуживание, поэтому люди не едут. Субурбанизация не происходит.

Дальше. С какой стати в России такой сильно опережающий рост центральных крупных городов? Во множестве стран мира как раз крупнейшие города давным-давно упёрлись в пределы своего расширения. Американский экономист Ричард Флорида посчитал, что с 1960 по 2000 годы доля ста крупнейших городов мира упала в городском населении мира с 30 до 25%, то есть мир децентрируется. Во многих городах тяжелейшие проблемы. Например, в Мумбаи в трущобах жило четверть населения, сейчас — больше половины. Другой пример — Лос-Анджелес. Высоковский (Александр Аркадьевич Высоковский, архитектор-урбанист, декан Высшей школы урбанистики ВШЭ. — *Ред.*) утверждает, что сейчас это такое место, откуда идут все урбанистические инновации. Но город встал категорически. При такой дороговизне жилья он развиваться дальше не может. У нас же всё наоборот. Почему — совершенно непонятно.

Дальше. Пропать между городом и деревней, о чём говорила Татьяна Нефёдова, — колоссальная по сравнению с процессом зарастания этого рубежа в развитых странах. Рост континуума город-село типичен для развитых стран. У нас он совершенно гигантский. В чём дело? Академик Полтерович считает, что Россия отстаёт по фазе, а может быть, на две фазы от остального мира. Всё это у нас будет, но, по-видимому, очень не скоро, очень не скоро. А пока рассчитывать на то, что, усваивая зарубежный опыт, мы будем имитировать их телодвижения, — это может привести только к тяжелейшим ошибкам.

В заключение хочу подчеркнуть, что вместе с тем меня убивает апокалиптический взгляд на эту ситуацию, типичный для России вообще. Игорь Яковенко (культуролог, профессор РГГУ), описывая несколько черт в русской культуре, препятствующих развитию модернизации, новоподобных вещей, говорит, что у русских, к сожалению, есть в том числе такая черта, как мироотречность, крайне печальный взгляд на жизнь вообще. И в оценке того, что с нами происходит, это постоянно прослеживается.

Я думаю, нас, возможно, спасут три вещи, если говорить о системе расселения и о русском пространстве. Во-первых, нам, по-видимому, предстоит рост производительности труда — просто по той причине, что этот уровень

непристойно низкий. Во-вторых, уже начинают развиваться скоростные системы инфраструктуры, транспорта, и это, конечно, будет облегчать передвижение. И я думаю, по крайней мере надеюсь, что у моих соотечественников всё-таки улучшится настроение, и мы будем выглядеть гораздо бодрее, нежели то, как выглядим сейчас.

А. Н. Привалов

Я только хотел бы обратить внимание, что процитированная Вами любимая поговорка Александра Николаевича Островского «До Бога высоко, до царя далеко» свидетельствует как раз о крайней децентральности мышления русского народа. Ну, Господь с ним, это, в конце концов, вопрос трактовки.

Позвольте предоставить слово Феликсу Вельевичу Разумовскому. Прошу Вас!

Ф. В. Разумовский

Даже не знаю, за что зацепиться. Наверное, за такую риторическую фразу Леонида Викторовича [Смирнягина]: «Кто мы такие, чтобы нам как-то не равняться на весь остальной мир», на американцев и т.д. Кто мы такие — в этом, собственно, мне кажется, все проблемы, поэтому мы и находимся там, где находимся.

Я глубоко убеждён, что прав, например, — надо же на кого-то сослаться! — академик Пивоваров, который говорит, что мы ни от кого не отстаём. Ни от кого мы не отстаём, понимаете! И на вопрос, кто мы такие, ответ может быть... (**Реплика С. П. Капицы:** «Мы от себя отстаём»). Нет, мы болеем, понимаете. Больной человек ни от кого не отстаёт. Он не отстаёт от соседа, который, может быть, тоже болеет в это время, но просто другими болезнями. У него другие болезни, поэтому один от другого никак не отстаёт. Почему я останавливаюсь на таких вещах, вроде бы к пространству не имеющих отношения, потому что ну сколько можно! Либеральный проект за двадцать лет уже показал полную свою непригодность. И, вместо того чтобы хоть как-то начать выбираться, мы говорим: «Мы догоним, мы догоним». Ну, Бог с ним.

Теперь об освоении пространства. Надо всё-таки сначала посмотреть — без всяких посторонних задач, пессимистических или оптимистических, — на какой культурной основе, прежде всего, формировалось русское пространство и осваивалось русское пространство в предыдущие эпохи. Это чрезвычайно важно.

В этом смысле русская цивилизация удивительна, у неё совершенно особые взаимоотношения с пространством. Я сразу оговорюсь, потому

Разумовский Ф. В.

что в этот момент мой постоянный оппонент Игорь Яковенко говорит, что нет, и у японцев — тоже. Конечно, у всех какие-то свои взаимоотношения с пространством. Разные. Но русское пространствопонимание — есть такой замечательный термин у Павла Флоренского¹² — очень сильно отличается от европейского. Это отличие я сейчас попробую проиллюстрировать.

Это связано с системой познания мира. А самое главное вообще в мире — это богопознание. У нас не было спекулятивного богословия, в хорошем смысле такого богословия размышления. Но в русской культуре существует традиция, которая относится к замечательному 103 псалму, где

¹² Флоренский Павел Александрович (1882–1937) — русский богослов и учёный, православный священник. Из кн. «Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях» (1924–1925), фрагмент «Значение пространственности»: «Проблема пространства залегает в средоточии миропонимания во всех возникавших системах мысли и предопределяет сложение всей системы... Повторяем: миропонимание есть пространствопонимание».

богопознание идёт через созерцание природы, через созерцание пространства. Это, например, зафиксировано в Храме Покрова на Нерли, где наверху Храма помещено изображение царя Давида, псалмопевца. Давид поёт: посмотрите, какая прекрасная земля, какая прекрасная природа! И поскольку русский человек вообще привык любоваться миром как божьим творением, то здесь я категорически не согласен с тем, что мы пессимистический народ, что мы всё время плачем и т.д. Это в фильме «Раскол» русский человек готов рвать на себе волосы. На самом деле это же было самое радостное время. Да, это был бунтарский век, это я всё знаю. Но это было время такого упоения красотой божьего мира. Достаточно посмотреть на любой архитектурный ансамбль тогдашнего времени.

Так вот, в русской культуре присутствует это особое пространство-понимание, о котором размышлял, например, академик Лихачёв¹³. Дмитрий Сергеевич говорил о пейзажном мышлении, то есть когда духовные проблемы считываются человеком при созерцании ландшафта. А при созерцании ландшафта пространственные формы имеют символический характер. Русский человек прекрасно понимает, что такое дорога, что такое поле, небо. Это не просто формы ландшафта. Это символические образы.

Если продолжать говорить на эту тему, то лучше всего вспомнить философские картины Левитана, где это качество русского пространство-понимания выражено средствами искусства современной перспективной живописи. И понятно, что когда мы видим, например, «Владимирку» или «Над вечным покоем», мы не рассуждаем о том, какого качества эти уголья, и вообще много земли или мало. Это — о человеке, поэтому и привело, в частности, к образованию такой традиции, что освоение пространства для русского человека — художественная деятельность.

Почему нас сейчас угнетает пустеющее пространство? Да потому что это невозможное зрелище для человека, для которого традицией определено, что мир — это божье творение, всё это должно быть прекрасно, и вдруг — совершенно дикий ландшафт. Меня не убеждают все эти графики, показывающие, что там или сям всё это по-другому. Знаете, в Пушкинском доме есть место, которое называется древлехранилищем. Это то, что собрали Владимир Иванович Малышев¹⁴, академик Панченко¹⁵ в 1960-е годы. В этом древлехранилище находятся большие шкафы, набитые рукописными

¹³ Лихачёв Дмитрий Сергеевич (1906–1999) — советский и российский филолог, историк литературы, академик РАН (до 1991 — АН СССР).

¹⁴ Малышев Владимир Иванович (1910–1976) — литературовед, археограф.

¹⁵ Панченко Александр Михайлович (1937–2002) — российский филолог, исследователь русской литературы и культуры на переломе от средневековья к Новому времени.

книгами. К примеру, один огромный шкаф с надписью «Пинега», другой — «Северная Двина» и т. д. Конечно, это зоны рискованного земледелия, но, друзья мои, это была освоенная территория, где люди без всяких механизмов, машин и всего прочего работали, и не только работали, — они писали рукописные книги и, в частности, переписывали ту культурную основу, о которой я говорю.

Я всё-таки приведу один пример, чтобы было ясно, что это не какие-то фантазии о русском пространствопонимании, а очень существенное, можно сказать, фундаментальное качество русской культуры.

Есть такое сочинение «Сто глав». Это сборник важнейших законов государства, созданный при Иване Грозном. Обычно вступление к этому сборнику законов обходят вниманием (интересно же только законодательство!) и не замечают важности слов, которые люди предпослали к сборнику законов жизни страны. Они предпослали некий, что ли, учебник, комментарий к русскому пейзажному мышлению. Они говорили о символичности этого мышления. Буквально там есть такие слова: «Зримое солнце видимо бывает и невидимо, духовное же солнце видимо лишь достойными, а само солнце бессловесно и дара слова не имеет» и т. д. Это рассуждение о том, что все видимые в пространстве образы наполнены неким духовным символическим содержанием.

Вывод мой не пессимистический и не оптимистический, а, в общем, адекватный — адекватный ситуации. Если мы будем спрашивать, а кто мы такие, смотреть, как и что делают другие, тем более будем переносить целые институты в русский мир — не технологии, которые, ради бога, почему бы нет, но если целые институты, в том числе систему расселения, систему взаимоотношения с пространством, то, конечно, пространство у нас сожмётся так, что можно будет только всех похоронить.

У нас колоссальный опыт, мало какая культура имеет такое культурное наследие. Но оно просто отодвинуто, выброшено за пределы нашего актуального рассмотрения. Так что у нас есть выбор. Считать эту ситуацию оптимистичной или пессимистичной — не знаю. Но выбор есть. Есть на что опереться. Но можно и сжиматься дальше, до бесконечности. Вопрос в том, что мы предпочтём.

А. Н. Привалов

Спасибо, Феликс Вельевич. Мне очень нравится то, что Вы сказали, но это песнь торжествующего солипсизма. Скажем, что мы оптимисты, — будем оптимистами. Скажем пессимисты, — будем пессимистами. Скажем сжимается... Как скажем — так и будет! К несчастью, не совсем так, но мне очень нравится Ваша позиция.

Если позволите, я предоставлю слово Андрею Николаевичу Балдину. На заседании про Толстого Андрею Николаевичу удалось резко поменять ход обсуждения. Посмотрим, что будет сегодня. Прошу Вас!

А. Н. Балдин

Я надеюсь, что не будет никаких переломов и разломов. Но вообще, мне кажется, что мы очень по-разному понимаем само слово «пространство», вкладываем в него разные смыслы.

Я расскажу одну историю и попытаюсь сформулировать, что такое пространство для меня, архитектора.

История о Чехове, об одном из первых его путешествий. Даже так: один поворот его дорожной мысли, который мне очень нравится. Этот поворот даёт некоторую подсказку, как можно отнестись к слову «пространство». Эпизод 1887 года, на самом деле довольно противоречивый. С одной стороны, он греет мне душу, с другой стороны, леденит. Я попробую рассказать очень коротко, потому что Чехов бесконечен и бездонен. В нём много разнообразных пространств.

Балдин А. Н.

Рис. 30

Итак, поездка в Таганрог, которая состоялась весной 1887 года (рис. 30).

Строго говоря, это было не вполне путешествие, а отпуск, первая его поездка в Таганрог после восьмилетней отлучки. С момента выхода из гимназии Чехов не был в родном городе и вот, наконец, собрался. Отпуск состоялся следующим образом.

Чехов приезжает в Петербург ранней весной, или поздней зимой, холод, слякоть ужасная, тифу по колено. Всё, чтобы расстроить южанина Чехова, который уже успел соскучиться по родине, тёплому морю и прочее. К тому же ему приходит приглашение на свадьбу гимназического друга. Тоска по родине усиливается. И Чехов идёт к своему издателю Суворину в надежде получить у него аванс, будто бы на большую работу, на самом же деле деньги на поездку домой. Он заводит с Сувориным следующий хитрый разговор — начинает ему рассказывать о степи: как прекрасна степь, даже теперь, ранней весной, не то что эти северные слякоть и тиф. Он знает, кому говорит, потому что Суворин сам степняк, человек горячий, увлекающийся, и быстро ведётся, как сейчас говорят, на такие темы. Чехов говорит ему, что он хочет написать роман, южный роман о степи, о весне и т.д., и как ему хочется повидать родину и погреться, наконец, на солнце. Суворин заплакал, выдернул у себя половину бороды — вот он, на картинке (рис. 31) — закричал казацкую песню, заперся с Чеховым на несколько часов и, разумеется, дал ему аванс. На роман.

Рис. 31

В общем, военная хитрость удалась. На самом деле есть такое ощущение, что Антон Павлович роман писать не собирался, тем более что Суворин попросил его дополнительно вывести в этом романе положительных героев, русских патриотов-генералов, причём именно южных, степных. Я не уверен, что Чехову был близок такой поворот темы, но он на всё согласился, получил деньги и поехал. Поехал в великолепном настроении. Писал весёлые письма с дороги, где-то пил кофе, который отдавал копчёным сигом, и т. д.

И вот он приезжает в Таганрог, и тут выясняется, что не так прост был Суворин, что не Чехов увлёк Суворина, а Суворин вовлёк его в свой проект. Дело в том, что в том же 1887 году ранней весной вышел закон о реорганизации области Войска Донского. Квадрат на картинке (рис. 32) — это карта области Войска Донского. Суворин был горячим сторонником этой реорганизации, которая имела отчётливый консервативный характер и далеко не у всех вызвала восторг. И получилось так, что Антон Павлович, приехав в отпуск, должен был агитировать земляков таганрожцев за этот проект.

Так история с мифическим романом, которую он сам затеял, чтобы получить хороший аванс, вовлекла его в реальную политическую агитацию, причём очень непростую, даже противоречивую агитацию. Речь шла о серьёзных административных переменах, переменах южного пространства, — вот

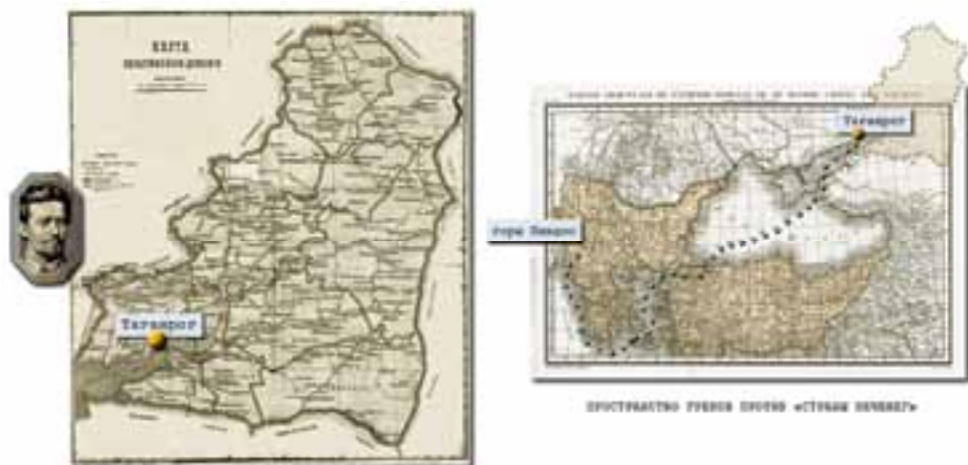

Рис. 32

оно, прозвучало, это сложное слово «пространство». Суть заключалась в том, что Таганрог должен был перейти под владение области Войска Донского (рис. 32).

И — Таганрог не захотел этого перехода, не захотел оказачивания.

В какой-то момент, разбираясь с этой дорожной историей, я посмотрел на заголовок карты и понял, что область Войска Донского сокращается как «ОВД». Я как-то поёжился, глядя на эту аббревиатуру, но на самом деле важно, что поёжился город Таганрог.

Дело в том, что Таганрог был городом, где компактно проживали греки, которые были перевезены (правая картинка на рис. 32) ещё во времена Екатерины из Греции в донскую степь. Больше всего было переселенцев из области Пиндос. Есть на западе Греции горная система Пиндос — ударение на первом слоге. Кстати, знаменитое сегодня молодёжное слово «пиндос» — ударение на втором слоге — происходит, по уверению моего знакомого писателя Владислава Отрошенко, именно из этого исторического эпизода. Но это другая история, здесь важно понять, какова была задача этого переселения. Задача была цивилизовать окрестные «варварские» территории. Привнести в них европейское (допустим, так) пространство. Иное, сложное, городское пространство.

С сознанием этой задачи Таганрог жил сто лет. Его обитатели были «римлянами», которых вывезли к печенегам, варварам и вандалам с целью их просвещения, обращения в пространство.

И если взглянуть на ситуацию с такой стороны, то получается, что проект 1887 года входил в противоречие с их изначальным заданием. Их

переводили под власть нецивилизованных варваров и печенегов. И «римляне» Таганрога возмутились. Состоялся тихий бунт — как раз в апреле 1887 года, когда туда вроде бы в отпуск, а на самом деле с политическим заданием приехал Чехов.

И, надо сказать, Чехов очень затруднился в своей агитации. Особенно в тот момент, когда граждане Таганрога обратились к нему за помощью. Разумеется, обратились, — он же писатель, известный столичный писатель. Он должен был что-то написать, обратиться к царю, чтобы эту участь от них отвели, спасли от варваров.

Это прямо касается пространства, потому что им грозило варварское распространение, варварская степь угрожала их городу, цивилизации и «Риму». Помогите, доктор Чехов. А доктор Чехов, оказывается, агитатор этого ужасного оказачивания! И вышел у него с горожанами неприятнейший разговор, и даже не один... Это видно по письмам, которые он писал из Таганрога в апреле, где он довольно горячо ругает Таганрог за лень, за косность, за нежелание подумать о высоком. Занятно, что в тот момент Таганрог был встревожен и думал как раз о высоком — пусть будет так: о пространстве.

Рис. 33

В общем, не получился у них разговор. Антон Павлович получил даже прозвище «печенег», что по тогдашним правилам было самое обидное прозвище.

И — в большой досаде Чехов уезжает из Таганрога (рис. 33).

Уезжает в степь. Тут и происходит поворот в его движении — поворот в сознании, который мне очень интересен.

Он словно выплывает в море. В особое, «морское» пространство (рис. 34).

В Россию, как в море, — такова её пластика, такова особенность её сложного помещения.

Можно вообразить себе, как суша растекается морем. В такое особое море заплыл Чехов. Ему была знакома, понятна эта игра. Когда он учился в гимназии в Таганроге, у них в квартире жил учитель географии, у которого вся комната была завешана картами. И они так играли, меняя сушу и море. И теперь он наяву совершает это перевернутое путешествие.

Чехов получил невероятные впечатления от этой поездки. Он о них не пишет, он копит эти впечатления. О том, к примеру, как он нашёл в степи деревню под названием «Щастье». Кстати говоря, единственный текст, который он пишет по горячим следам, летом 1887 года, — рассказ «Щастье».

Рис. 34

Это было счастье обретения нового, большего по знаку пространства. Сложно и высоко сочинённого пространства. Вот важная мысль, понятная прежде всего архитектору: *пространство сочиняется*, оно есть продукт высшего творческого усилия. Я уверен: Чехов понял это задание. Он принял его — задание по сочинению пространства.

Я говорю об этом с убеждением: через полгода, когда Чехов вернулся в Москву, он написал вещь, на мой взгляд, невероятную. Написал повесть «Степь». По идее, очень простую вещь, всего-то — повесть, но на самом деле много больше, чем повесть. Я знаю версии о том, что это была первая часть большого романа, герой которого сначала путешествует мальчиком по степи, потом юношей переезжает в столицу, в Петербург (туда, где холод, слякоть и тиф) и в конце концов застреливается. Есть такие версии, но я в них не очень верю. «Степь» самодостаточна, ей не нужно такое продолжение и тем более окончание. Это не просто текст, это собирание и удержание пространства словом. Невероятная штука. Для меня, архитектора, это показатель высшего качества работы. Чехов выступил как создатель пространства. Потом, после Чехова, в нём можно жить, чертить и строить дома, связывать смыслы — в сочинённом и удержанном в нашем сознании пространстве.

Я пытаюсь сформулировать своё отношение к пространству. Это ментальный феномен, оно по большому счёту существует только в наших головах. Это не территория, не квадратные километры и даже не кубометры, о которых тут шла речь. Всё это статистика, цифры, которыми можно измерять пустоту. Пространство — нечто большее, нежели хорошо размеренная пустота. Это выдумка, проект. Его нужно сочинить. Это вещь с серьёзнейшим гуманитарным содержанием.

Чехов именно это и производит своей странной повестью «Степь». Он приписывает, присочиняет к России огромный фрагмент пространства. Он ясно сознаёт, что делает. Он пишет Григоровичу: не знаю, как отнесётся степной «царь» Гоголь к моей «Степи», пустит ли он меня в своё пространство. Потому что рядом есть страна, степное пространство Гоголя.

Я убеждён, что Чехов понимал, что делает. Понимал, что создаёт нечто большее, чем литература. Он присоединяет к *сознающему полю России* новую территорию, связанную его высшим сочинением, удержанную его словом (рис. 35).

Отсюда название моего сложного выступления. Эссеистическое название: «Теория сознающего поля». Мы наблюдаем облакающее, большее по знаку поле, которое включает и «печенежскую» степь, и «римский» Таганрог. Это и есть пространство — большое, адресованное всем, — и казакам, и грекам, и генералам, и либералам. Всем.

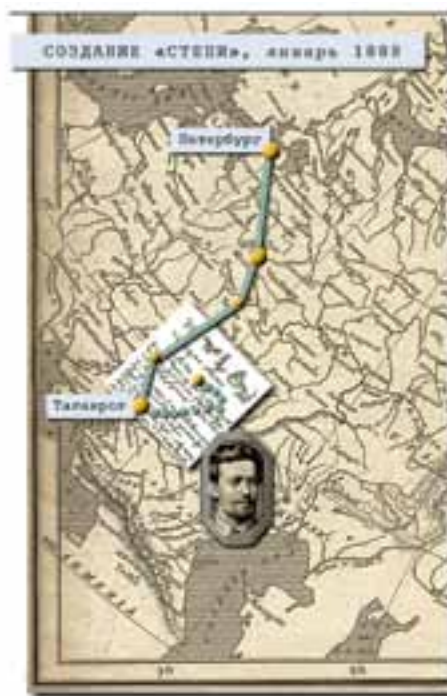

Рис. 35

Далее — косвенные доказательства.

Я смотрю за тем, как дальше двигается создатель пространств Чехов. Вот как: он отправляется в Персию (рис. 36). Лето 1888 года трагедия: у Чехова умирает брат. Умирает от туберкулёза. Чехов понимает, что ему грозит тот же конец. И в некотором сомнении и метании он спасается путешествием, успокаивает себя действием, которое, он уже знает, имеет характер высшего творческого задания. Если умирать, то — выполняя такое задание.

И вот как чертится его путь: Чехов направляется сначала в Европу, но в Одессе останавливается, понятно почему, — потому что в Европе ему писать не о чем, ему не нужно приписывать, присочинять европейское пространство, раздвигать тамошнее *сознающее поле*. И он едет на Восток.

Остановка в Феодосии. Здесь происходит его очень интересный разговор с тем же Сувориным, они уже помирились после прошлогодней размолвки (роман-то Чехов не написал). Самый серьёзный разговор: Чехов на пляже, на раскалённом песке Феодосии уговаривает Суворина, что нужно продолжать сочинять Россию. А может, и не уговаривает, Суворин и так согласен с идеей проектирования, «опространствления» России.

Рис. 36

Нужна экспедиция-сочинение, раздвижение пространства — на восток. И Суворин, едва не вырвав вторую половину бороды, даёт деньги на эту экспедицию.

Чехов едет в Персию с сыном Суворина. Они добираются до Баку. Здесь случается ещё одна трагедия: в России умирает второй сын Суворина, и они вынуждены вернуться с полдороги. Но Чехов уже почувствовал, что пространство, которое его интересует, — там, на востоке, в Персии и далее. В Баку, на мысу, далеко выдающемся в Каспийское море, он слышит его зов. Стихают за спиной мелкие «московские» разговоры. Настоящее путешествие, настоящее сочинение — там, на востоке.

Чехов возвращается в Россию, но дальше только ищет повода для большой восточной экспедиции. Под этим знаком происходит его поездка на Сахалин (1890). Я знаю, что было много других резонов путешествия Чехова на Сахалин. Но был и этот высший «архитектурный» резон — присоединения, присочинения к России новой порции гуманитарного пространства (рис. 37).

Это важное уточнение: не завоевание новой территории, а гуманитарное развитие уже завоёванного, уже пройденного материка.

Я не буду разбирать его путь подробно, только два эпизода (они обозначены прямоугольниками). Два степных эпизода. Мне они показались настолько интересными, что я отправился смотреть эти места, вслед за Чеховым (рис. 38).

Рис. 37

В первом случае он выезжает в зауральскую степь, во втором — в забайкальскую. По идее, степь — это его «законная» территория, он уже отметил великолепным описанием приазовской степи. Таким высоким описанием, которое включило южную степь в гуманитарный атлас России. Но здесь, в Сибири, он не смог этого добиться. Эти степные отрезки пути остались у него в словесном смысле пустыми.

Они не превратились у него в пространство.

Я всё о том же: нужно различать пустоту и пространство.

Чехов отлично их различал, он стремился превратить пустоту в пространство, он за тем и отправился в своё восточное путешествие. Но — что-то не сложилось. Он торопился, опаздывал, тосковал, глядя на необитаемость окрестных мест. В Забайкалье он пролетел степь, как камень из рогатки. Только с кареты бросил несколько определений: это похоже на Украину, это похоже на Швейцарию. Нет, не похоже.

Два эти эпизода доказывают «теорию сознающего поля» от противного. Наши восточные территории не закрыты этим гуманитарным полем, — если и закрыты, то фрагментарно, точечно. Они не вполне сочинены. Наш Дальний Восток большей частью не сочинён. И главным примером здесь может послужить последний, крайний опыт доктора Чехова.

Он добрался до Сахалина и понял, что угодил в вакуум. В ад и бессловесность. В несочинённость пространства. Собственно, он затем и ехал — чтобы строить здесь пространство. Он принялся за дело и написал книгу. Свою самую большую и самую странную книгу — «Остров Сахалин». Почему

Рис. 38

странную? Потому что она не распакована, она остаётся вне нашего сознающего поля. Мы не понимаем эту книгу. Мы не совершили должного сочинительского усилия. Не дотянулись до Чехова.

Как-то раз я опросил своих друзей, писателей и критиков, какие важные, знаковые книги они могут вспомнить о Дальнем Востоке. Они ответили. Вот список, первая пятёрка (рис. 39). «Остров Сахалин», «Цусима», «Разгром», «Архипелаг Гулаг», «Территория». Все они отмечены неким общим настроением — мрачным, беспросветным, беспристрастным настроением. Они фиксируют отсутствие гуманитарного пространства, слабость нашего сознающего поля, не продвинутого в этом направлении. Наш восточный проект остаётся в гуманитарном плане слабым.

- А. П. Чехов ОСТРОВ САХАЛИН
- В. К. Арсеньев ЦУСИМА
- А. С. Суворов-Орфей БУРНА
- А. А. Фадеев РАЗГРОМ
- В. И. Соловьев АРХИПЕЛАГ "ГУЛАГ"
- В. М. Кустов ТЕРРИТОРИЯ

Рис. 39

Попробую подвести итоги. Мне кажется, что мы говорим о каких-то вещах, не учитывая, что то или иное место может быть недопроектировано, не сочинено. Это означает, что там вообще нет пространства. Это очень остро чувствовал Чехов. Он, ещё двигаясь по Амуру на Сахалин, говорил, что если мы так будем относиться к этой территории, то неизбежно потеряем Сибирь и Дальний Восток. Эти слова остаются актуальными и сейчас. Мы так толком и не присочинили восточный край страны к её большому материковому телу. И это большая проблема.

Россия перестала себя сочинять. Совсем. Поэтому её пространство пустеет. То, что я сегодня слышал, это не проектирование, это поливание разрубленного на части человека мёртвой водой. Ну, допустим, он как-то срастётся, этот мёртвый человек. Сохранит свои физические границы. Но для того чтобы он ожил, нужно поливать его живой водой. Нужно выдувать, сочинять следующую большую жизнь, протягивать дальше наши гуманитарные координаты. Раздвигать сознающее поле. Тогда перестанет пустеть российское пространство.

А. Н. Привалов

Спасибо, Андрей Николаевич. Мне кажется, Вы сказали очень важные вещи как о важнейшей гуманитарной составляющей темы в целом, которую мы затрагивали с более статистических, естественнонаучных позиций, так и о том, что тот факт, что мы сложили вёсла, весьма отрицательно сказывается на проблеме, которую мы сегодня обсуждаем.

Переходим к обсуждению. Пожалуйста, сенатор Валерий Васильевич Сударенков, прошу Вас!

В. В. Сударенков

Александр Николаевич, мне лестно Ваше позитивное замечание по поводу стабилизации населения в Калужской области, поскольку именно Калужскую область я представляю в Совете Федерации. Чрезвычайно рад этому. (**А. Н. Привалов:** «Это не я, это Росстат».) Наверное, здесь есть влияние администрации, самого губернатора, потому что мы совмещаем две цели — инвестируем в развитие экономики области, причём это современные инвестиции, и одновременно уважительно относимся к ландшафтнoй политике на территории.

По ходу обсуждения у меня возникли вопросы в связи с тем, что сказал Феликс Разумовский. Выражу это так: а, собственно, что происходит, куда девается пейзажное мышление у нас, политиков? Почему мы, в отличие от народа, населения, от него в основном отказываемся? В связи с этим другие три вопроса, которые я бы хотел высказать и, может быть, не сегодня,

Сударенков В. В.

но в последующем получить какие-то экспертные заключения по этому поводу.

Во-первых, меня волнует вопрос, что сдерживает, насколько долго мы будем сдерживать ратификацию Европейской ландшафтной конвенции, которой уже исполнилось одиннадцать лет?

А.Н. Привалов

Это Вы нас спрашиваете?

В.В. Сударенков

Через вас я адресую этот вопрос всем, от кого это зависит. Неприлично, конечно, вступая в Совет Европы, отказываться от документов, которые, вообще-то, должны приносить нам пользу.

Второй вопрос: есть ли у России шанс ландшафтного планирования поселений, территорий районов и территорий областей? Есть ли у нас вообще какие-то подходы к ландшафтному планированию или

к устойчивому развитию территорий? В России 25 000 первичных муниципальных образований, 3000 — районных и 83 субъекта Федерации. Ни один из них вообще не воспринимает тематику ландшафтного или пространственного планирования развития территорий. В основном всё сводится к социально-экономическому развитию, а территория — это так, прилагается к социально-экономическому развитию.

Третье, в чём, мне кажется, корень всех вопросов — почему ландшафтная тематика не востребована школой, в частности, преподаванием географии? Вот на днях откроется съезд учителей географии. Ни вторая, ни третья программа — второй и третий стандарты по географии — не предусматривают слово «ландшафт». Оно вообще не употребляется.

Комплекс таких, казалось бы, элементарных вопросов и приводит к тому, что нам нечего противопоставить надвигающемуся пустеющему пространству. Из-за утраты нашего отношения к ландшафтам, пейзажам и т.д.

А. Н. Привалов

Спасибо большое, но я считаю, что Вы от «кондаковских» образовательных стандартов многого хотите. Если эти стандарты будут приняты, географии вообще не останется.

Следующий выступающий — Игорь Николаевич Шумейко. Пожалуйста!

И. Н. Шумейко

Большая часть обсуждаемых пространств была приобретена в пределах одного скачка — то, что Карл Маркс называет «великим шестнадцатым веком». И западноевропейские страны, и Россия примерно в один период времени перешли к пространственному взрыву. Но вслед за Марксом, а потом и социал-дарвинистами, особенно Мальтусом, утверждается, что эти экстраординарные движения были осуществлены (как всегда происходило до того времени) из-за угрозы голода, или для выживания. Отечественная версия этой точки зрения высказана Николаем Алексеевичем Некрасовым: в России строятся железные дороги, потому что «в мире есть Царь, этот Царь беспощаден. Голод — прозвание ему»¹⁶.

Два больших пространственных скачка — в Америку и Сибирь — произошли совершенно не от недостатка, не от голода, а скорее от избытка. Против этого задним числом работают миллионы гектаров новой спасительной сельскохозяйственной культуры, добытой в результате этих

¹⁶ Некрасов Н.А. «Железная дорога».

Шумейко И. Н.

географических открытий, — картофель и, спасительница уже для Хрущёва, кукуруза. Но всё это как бы совершенно не запланированный бонус.

Если точнее вспомнить и освоение Сибири, и освоение Америки, то экспедиции в Америку снаряжались за пряностями: мускатный орех, корица, гвоздика, перец. Пряности не утоляют голод, они, наоборот, возбуждают аппетит, то есть чувство голода. И экономическая выгода этого дела подсчитана: Васко да Гама¹⁷, потеряв два корабля из четырёх, привёз прибыль 700%; торговля пряностями давала по Европе где-то 800%. А это явно не хлебный, не мясной ряд, это что-то сродни наркотикам, оружию, что-то запредельное.

В освоении нашей Сибири точно такая же картина. Только если там, я бы сказал, движущей силой был не голод, то у нас — не холод. Мотив известен — это пушнина. Но пушнина была и в русско-европейских лесах — та же самая, даже соболи, даже горностаи для королевских мантий. Тем не менее этот сверхпрыжок, такое утроение пространства мотивировано, безусловно, пушнинной. Вопрос — какой? Сободем. Соболь, повторюсь, водился и в Европейской части

¹⁷ Васко да Гама (1460 или 1469–1524) — португальский мореплаватель, известен как первый европеец, совершивший морское путешествие в Индию.

России, и в Западной Сибири, но, ещё не выбрав его, те, кто, собственно, принёс нам Сибирь с углеводородами и т.д., шли за баргузинским соболем.

Здесь, может, кого-то удивят цены. Шкурка одного соболя, скажем, европейского, западносибирского стоила 1,5–2 рубля. Это я говорю в ценах того самого великого века для России, точнее в 1600-е годы. Но дальше, по мере движения на восток, попадались соболя ценой 100 рублей, 200 рублей. Абсолютный рекорд — цена одной шкурки баргузинского соболя 550 рублей. Это цены 1650-х годов. Примерно столько стоил город. Покупатель известен: китайские пункты Кантон (ныне Гонконг) и Кяхта.

В чём причина такой высокой цены? Объективно — в самой матери-природе: чем холоднее климат (эти самые изотермы декабря-января-февраля), тем мать-природа щедрее одаривает того же соболя. А китайцы дают тот самый рынок, который и определяет, что эта шкурка стоит 1,5 рубля, а эта — 550. Я, правда, называю рекордную цену, таких соболей совсем немного было, но они зафиксированы. Известна таможенная ведомость 1652 года. Бобровая струя¹⁸ — тоже такой, как сегодня бы сказали, конвертируемый товар: украинский бобёр давал струю стоимостью 1,5 рубля за фунт, сибирский — 4,5 рубля, то есть в три раза дороже. Именно от такой неравномерности цен и произошла удивительная динамика в освоении пространства: практически за 60 лет наши первопроходцы прошли от Урала до Тихого океана.

В этих необычайных ценах (это примерно в десятки раз дороже золота того же веса, если говорить про баргузинского соболя) и заложен жуткий транспортный перекоп, сохраняющийся до сих пор.

Если посмотреть от Урала современную линию Транссиба (наш хребет), то хребет той эпохи был значительно севернее. Это Мангазея (нынешний Салехард), которая была брошена, потому что все охотники за местным соболем ушли дальше за лучшим. Мангазея была пустующим городом уже в 1670 году. Дальше — Якутск и Охотск. Между Якутском и Охотском — выход: Охотск давал выход к Тихому океану, к естественным границам.

Теперь самое главное: перейдём от естественных закономерностей к естественным границам. Территориальный скачок от Якутска до Охотска прошёл по вьючной тропе через хребет Джугджур (горы на Дальнем Востоке на территории Хабаровского края вдоль

¹⁸ Бобровая струя (кастореум) — ароматическое вещество животного происхождения. Вырабатывается специальными пахучими железами бобра. В старину ценилась в четыре раза дороже бобровой шкуры. Применяли в основном для медицинских целей: при лечении нервных и сердечнососудистых болезней, мигрени, заживлении ран, параличах.

северо-западного побережья Охотского моря. – *Ред.*) буквально в результате подвига Невельского и Муравьёва-Амурского. Это и был наш выход к Тихому океану — выючная тропа. Добрались даже до Аляски, даже до Калифорнии, не достигнув ещё границы, по которой сейчас проходит Транссиб. Почему? Потому что треть государственного бюджета в XVII веке давала пушнина, и шли за этим невиданным богатством (некий аналог нынешних углеводородов). Всё вывозили на выючных лошадях по этой кошмарной дороге: 1200 км через хребет. Потому и была продана Аляска: ничего нельзя было провезти. В Якутске распиливали якоря, разрезали канаты, далее частями везли всё на себе и на лошадях. В Охотске на берегу моря снова склеивали якоря, канаты, из местного леса делали корабли.

На такой, можно сказать, экстраординарной ниточке 200 лет висел наш выход к Тихому океану.

А. Н. Привалов

Позволю себе на правах ведущего буквально одну фразу. Мне всё-таки приятно думать, что наши землепроходцы шли на восток не только, а может быть, не столько за пушниной, сколько за свободой. Ну, это дело вкусовое, кому как нравится. Просто больно тут начальство было свирепое. А от начальства подальше... Ну, всем всё понятно.

Если позволите, я предоставляю слово следующему выступающему, академику Мясникову. Прошу Вас, Владимир Степанович.

В. С. Мясников

Я от души хочу поблагодарить за выбор темы сегодняшнего нашего заседания и наших коллег географов, которые рассказали так много интересного. Скажу, что историки тоже немного занимаются этой проблематикой, и по-всякому занимаются. Но сначала я хочу высказать такую маленькую реплику по поводу Чехова. Меня как-то это задело.

Я был в Таганроге, где увидел потрясающе интересное зрелище — местные казачьи свадьбы. Идут молодожёны сначала к дому Чехова и к его памятнику, потом к памятнику Ленина, потом к памятнику Петру Великому (там лучший в России памятник Петру работы Антокольского). Пётр Первый — основатель города Таганрога. А в Томске (университетский город с огромным Политехом, есть Медицинский институт и т.д.; великолепный город, мои предки оттуда родом) стоит памятник пьяному Чехову. Я считаю, оскорбительный памятник. Как могла местная интеллигенция позволить такое, честно говоря, не могу понять. Но это так, à propos, кстати.

Итак, насчёт пространства. Конечно, российское пространство, которое где-то к началу, даже к середине девятнадцатого века достигло своего

Мяеников В. С.

максимума, наверное, начало сокращаться. Ещё когда продали Аляску, когда уступили часть земель Японии и т.д. Это уже была невозможность освоения или сложность освоения. Трудно с этим смириться, но, в общем, мы это пережили уже и надо думать о другом.

Когда-то Бисмарк сказал, что Россия сильна безграничностью своего пространства и ограниченностью потребностей своего населения. Это замечательная фраза. Она очень точно характеризует нашу страну того времени. И вот несколько дней назад — как-то не могу с этим смириться — в СМИ прошла информация, что какая-то организация учёных на Западе провела обследование и заявила, что через 800 лет русских не останется совсем, на 400 лет дольше проживут украинцы, а «освободившееся» пространство будут осваивать те, кто выживет, — китайцы, негры (они все выживут). Я не знаю, что это за эксперты такие, но это передавали наши СМИ. Конечно, у нас огромные пространства, но Татьяна Григорьевна

правильно заметила, что они малопригодны для земледелия. Академик Милов¹⁹ в своей знаменитой книге «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» доказал это. В течение многих-многих лет он обследовал все сельскохозяйственные районы России и показал, что мы не можем прокормить себя с тех посевных площадей, которые у нас есть.

Т. Г. Нефёдова

При той урожайности, которая была.

В. С. Мясников

Но одновременно эти пространства дают другие возможности. В канун революции крестьянские кооперативы в Западной Сибири покупали технику в Великобритании для обработки масла. И масло продавали в Австралию. Много позже, когда нас в 1990-е годы кормили новозеландским маслом, я всегда смеялся по этому поводу.

Я хочу сказать, что, конечно, девятнадцатый век был показательным в этом смысле. Правительство России было озабочено освоением пространства, начиная от Сперанского и до Столыпина — целый ряд попыток освоения пространства, его заселения и т.д. При этом учитывали теоретический опыт наших европейских классиков, которые этим занимались, — не буду сейчас на этом останавливаться, — и очень широко учитывали американо-канадский опыт.

Америка дала блестящий теоретически обоснованный пример, как осваивается пространство. Я понимаю, что там надо было бизонов истребить, куда-то задвинуть индейцев. Но как делили землю, как её обустроили! Дороги — вот что главное для освоения пространства. Мы отличаемся тем, что у нас до сих пор нет дорог. Американцы, кстати, приезжавшие к нам в конце девятнадцатого века, говорили: «Сибирь — это же вторая Америка. Здесь всё приложимо, что у нас есть». Но мы как-то не успели всё приложить. И даже в результате столыпинских реформ, когда миллионное население было передвинуто из центральных областей России на Дальний Восток и в Сибирь. Может быть, слава Богу, что сегодня восемь миллионов проживает у нас на Дальнем Востоке. А в соседнем Китае, Корее и Японии мы насчитываем примерно около 400 млн в прилегающих территориях. Я не говорю о застенном Китае, где уже 1,4 млрд. Это другой вопрос.

¹⁹ Милов Леонид Васильевич — академик РАН, лауреат Государственной премии РФ, профессор, заведующий кафедрой истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ.

В заключение хочу сказать, что опыт есть — и европейский, и американский, и российский. Единственное, что нужно, — чтобы власть имущие, власть предержащие были озабочены своим государственным умом освоить пространство, которое оставили нам предки. Иначе, — я согласен с теми, кто так считает, — эти пространства будут освоены другими.

(См. ниже статью академика В. С. Мясникова «Решение пространственных проблем в России XIX — начала XX веков».)

А. Н. Привалов

Спасибо, Владимир Степанович. Слово Анатолию Григорьевичу Вишневскому, директору Института демографии НИУ ВШЭ. Прощу Вас!

А. Г. Вишневский

Я тут в ответ на то, что услышал, вспоминаю один свой разговор с Егором Тимуровичем Гайдаром. Он попросил меня рассказать о нашей демографической ситуации, как я вижу перспективу российского населения и миграции. И он подытожил этот разговор такими словами: «Россия должна стать Америкой XXI века». Я думаю, вы понимаете, что он имел в виду. Но, наверное, это не получится, потому что тогда надо, чтобы в Россию поехали мигранты. Но мигрантов мы не хотим, а своего населения нет, значит, Сибирь и Дальний Восток как есть пустые, так и будут оставаться пустыми.

Мы сейчас выслушали замечательные доклады, которые, в общем, говорят о том, что стало с нашим пространством. Это не очень радостно. Но это как бы некий итог. И возникает вопрос, а можно ли было хоть как-то предвидеть то, что будет? Ведь кто читал Глеба Успенского²⁰, — а я думаю, что все читали, — знают, просто чувствуют в его описании жизни крестьянского населения России какой-то океан, буквально океан, напоминающий, может быть, образ «Соляриса». Он смотрит с некоторого расстояния, и там для него много непонятного.

Этот океан сельской деревенской жизни существовал до середины 1920-х годов. А потом стал исчезать. Не сам по себе, а в результате определённой политики, определённых планов, определённых стремлений. Но ведь было ясно, что если страна становится на путь индустриализации и урбанизации, а я думаю, что другого пути у неё не было, то этот океан, это

²⁰ Глеб Иванович Успенский (1843–1902) — русский писатель, публицист. Циклы очерков и рассказов о пореформенной деревне: «Из деревенского дневника» (1877–1880), «Крестьянин и крестьянский труд» (1880), «Власть земли» (1882), «Кой про что» (1886–1887) и др. Произведения о народной жизни в последний период творчества: «Живые цифры» (1888), «Поездки к переселенцам» (1888–1889) и др.

Вишневский А. Г.

безбрежное море деревень, сёл, должен обмельть и потом исчезнуть. Вся система расселения должна измениться.

В каком-то смысле это было предвидимо. Трудно было говорить о масштабах, но это тоже представляли себе, потому что были уже страны с высоким уровнем урбанизации, было понятно, или стало скоро понятно, что большая часть населения переселится в города. А что станет с этим пространством? Можно было как-то подумать, как его осваивать. Но я считаю, что в таких случаях роль играет не какое-то специальное думание какого-то политбюро или каких-то академий наук, а реакция самого населения, практика, стихийные поиски, может быть, каких-то форм ведения того же сельского хозяйства, форм организации жизни в этих пустеющих пространствах. Но этого ничего не было.

Политбюро было, Академия наук была, а такой самостоятельной жизни, которая могла бы что-то решать, не было, поэтому мы и получили то, что сейчас получили. И кстати, когда возникали некоторые идеи (если помните, была идея перспективных и неперспективных населённых пунктов)

с концентрацией населения в перспективных пунктах, то поднялся какой-то странный народ и заклевал эту идею перспективных пунктов, хотя какая-то логика там была: если у вас всё исчезает, вы должны как-то перегруппировать сложившуюся систему.

Но что происходит сейчас? Можем ли мы, хотя бы учитывая эти уроки, оглянувшись назад, посмотреть вперёд? Ведь здесь уже прозвучала несколько раз эта мысль (она звучит довольно часто в западной литературе), что Россия не сможет удержать с тем населением, которое у неё есть, ни Сибирь, ни Дальний Восток. И с такими соседями. В Азии в середине века будет жить 5 млрд человек. В нашей северной Азии 30 млн, да и их-то нет. Что будет при малейших подвижках? Сейчас вроде бы всё спокойно, но надо же предпринимать какие-то дальновидные действия! Мы же видим, скорее, нечто другое. Мы видим, если говорить о пространстве, что-то вроде отстраивания «Великого княжества Московского»: вот тут мы у себя ещё Сколково построим, ещё Москву сделаем такой большой и обнесём, может быть, кремлёвской стеной..

Мне кажется, что всё-таки надо серьёзно задуматься о будущем и извлечь уроки из сегодняшних докладов. У Николая Бердяева есть работа «О власти пространств над русской душой»²¹. (**Реплика:** «Это глава».) Может быть, и глава, я сейчас не помню. Существует этот факт. Но мне кажется, что тут прозвучала фраза другого автора,— я вспомнил, что почти то же самое писал Гердер²² в своё время. Он писал, что Россия занимает больше места в географии, чем в истории.

Я не знаю, правильно ли это сейчас, но место в географии служит безусловным предметом нашей гордости. И, кстати, наши территории не раз нас спасали, мы это понимаем. И сейчас нас выручают нефтяные и газовые кладовые, но мы всё-таки должны серьёзнее подумать, мне кажется, как их удержать. Как удержать огромные ресурсы пресной воды рядом с Китаем, у которого нет воды. Как удержать все эти минеральные богатства и эту пустующую территорию.

А. Н. Привалов

Спасибо, Анатолий Григорьевич.

Дмитрий Борисович Зимин, почётный президент ОАО «ВымпелКом»

²¹ Николай Бердяев. Судьба России. Сборник статей (1914–1917).

²² Готфрид Гердер (нем. Johann Gottfried Herder (1744–1803) — немецкий историк культуры, создатель исторического понимания искусства, считавший своей задачей «всё рассматривать с точки зрения духа своего времени», критик, поэт второй половины XVIII в.

(БиЛайн), президент Фонда некоммерческих программ «Династия» — прошу Вас!

Д. Б. Зимин

У меня тоже будет выступление, содержащее вопросы, на которые я сейчас, наверное, не получу ответы, но уходить, не задав их, тоже как-то не хочется.

Припоминаются слова какого-то то ли французского, то ли немецкого генерала о том, что России ничего не угрожает: нет смысла завоевывать страну, в которой нельзя жить. Это, конечно, было давно, сейчас уже всё не так..

А. Н. Привалов

Это ещё у Эзопа было: зелен виноград называется²³.

Д. Б. Зимин

Возможно. Хотелось бы высказать некую неудовлетворённость (хотя в целом очень интересно) докладами, потому что мы говорили о реванше пустеющего пространства, но, по-видимому, все слова о реванше всё-таки относятся к людям, которые живут на этом пространстве. И для меня совершенно не понятен вопрос и сейчас, и в исторической перспективе, насколько конкурентоспособен наш человек, наша страна, которая располагается на этом пространстве. Ведь в итоге с развитием современных средств коммуникации вопрос конкурентоспособности сельского хозяйства определяется сравнением не соседних даже областей, а, скажем, сравнением нас с Австралией, ещё с кем-то. В общем, в чём мы конкурентоспособны? Где наша «фишка» на этой земле, с помощью которой мы можем занять достойное положение в мире? У меня нет ответа на этот вопрос, и я его, к сожалению, не услышал и здесь.

А. Н. Привалов

Если у меня будет секунд сорок, я попробую ответить.

Д. Б. Зимин

Это действительно очень интересный вопрос: в чём мы конкурентоспособны? Я только в одном почти уверен, что конкурентоспособность может на самом деле проявиться только в условиях добропорядочной конкуренции во всех отраслях человеческой деятельности — в науке,

²³ Басня Эзопа «Лисица и виноград».

технике, в сельском хозяйстве, в политике. Если эта конкуренция хоть где-то подавлена, то такой народ рискует быть глобально неконкурентоспособным.

И, наконец, хотел сказать вот о чём. Здесь упоминалась сотовая связь, так вот я хотел обратить внимание, что на просторах нашей страны произошло некое чудо, когда меньше чем за 15 лет в стране, в которой обычный квартирный телефон был страшным дефицитом, практически каждый имеет телефон. Это чудо произошло благодаря появлению в нашей стране компаний совершенно другого, в известной мере антисоветского типа — открытых акционерных обществ. В том числе именно в этой отрасли состоялось внедрение российского бизнеса, впервые за его историю, на Нью-Йоркскую фондовую биржу. И здесь удалось создать, благодаря всевышнему или ещё чему-то, обстановку более или менее добропорядочной конкуренции. И мы имеем то, что имеем. Кстати говоря, это единственный, по-видимому, в истории России проект такого масштаба, осуществлённый на частные деньги, почти без бюджетных средств.

А. Н. Привалов

Если не считать завоевание Сибири.

Д. Б. Зимин

Нет, там было по указу государя, насколько я знаю.

А. Н. Привалов

Они все были вдогонку.

Д. Б. Зимин

Здесь и вдогонку не было, между прочим. Для контраста могу ещё утверждать, — а я, надо сказать, до сотовой связи 30 лет проработал в элитном предприятии военно-промышленного комплекса, — так вот я могу утверждать, что если бы проект «сотовая связь» у нас делался лучшими предприятиями военно-промышленного комплекса за бюджетные деньги в качестве госзаказа, у нас сотовой связи, я думаю, не было бы до сих пор. Эти предприятия [сотовой связи] показали фантастическую производительность труда, которой, вообще говоря, не знала до сих пор, по-моему, ни одна промышленная компания России.

Вот такие высказывания и вопрос: в чём конкурентоспособность нашей страны, и может ли она, вообще говоря, быть реализована в условиях, когда не в полной мере раскрыты таланты людей в обстановке добропорядочной конкуренции? Без этого никакие пространства не освоить, и вообще,

Зимин Д. Б.

по-моему, ничего хорошего не будет. А если такая конкуренция состоится — тогда надежды есть.

А. Н. Привалов

Спасибо, Дмитрий Борисович.

Виктор Петрович Мазурик, доцент кафедры японской филологии ИСАА, — прошу Вас.

В. П. Мазурик

Я добавлю культурологический, гуманитарный взгляд на проблему. Два последних содокладчика буквально сняли у меня с языка некоторые замечания, которые просто просились. Я сошлюсь на мнение известного историка, замечательного писателя, классика японской литературы, — японцы всегда удивляются, что его мало переводят на русский язык, — это Сиба Рётаро, умерший в 80-е годы прошлого века. Он написал очень много романов, связанных с Россией, в частности о русско-японской войне.

Замечательный стилист и пр., по образованию он монголист-историк и не то чтобы последователь Льва Гумилёва, но чем-то его идея этногенеза похожа: трактовка больших людских сообществ как неких биосоциальных организмов со своей молодостью, старостью и пр.

И вот когда Сиба Рётаро пишет о феномене шестнадцатого века, о стихийном распространении России на Сибирь, он говорит следующее: представьте себе человека, у которого вдруг одна рука стала в десять раз больше всего тела, — как ему трудно будет управляться с таким телом! Дальше он с изумлением замечает, что Россия, как это ни странно, сумела довольно эффективно эти территории контролировать. И вот он задаёт вопрос: почему? Пройти эти расстояния в слабозаселённой Сибири через все местные народы это не фокус, а вот удержать — это действительно очень сложно.

Сиба попутно задаёт ещё такой вопрос. Он говорит, что некоторые, связанные с Монголией малые этносы — бурятские и другие, по культуре близкие к ним, всегда предпочитали быть под властью России, чем, скажем, Китая. И всегда об этом открыто заявляли. Почему? Не потому что мы были какие-то более гуманные или у нас какая-то там культура выше, чем у античного Китая и т.д. Дело в том, что в Китае люди системные, это конфуцианская идеология, это системное обживание пространств, выстраивание структуры. Тогда как Россия — это некий русский «хронотоп», выражаясь в терминах Бахтина²⁴, это фигура динамическая, это пространство плюс движение. Многие культурологи писали о том, что если внимательно посмотреть модели русской культурной ойкумены, то там всегда просматривается некое хождение. Паломничество, движение за три моря или гоголевская Россия, скажем «Мёртвые души», — это же всегда некое движение.

Архиепископ Николай Японский заметил одну точку соприкосновения России с японской культурой. Он сказал, что в Японии культура хождения, в том числе поклонение святым местам, удивительно напоминает русскую, притом что это не христианская культура, это буддизм. Говоря в терминах дальневосточной философии, если китайцы в основе своей больше конфуцианцы (хотя у них есть альтернатива — даосская философия, там тоже есть категория «дао» — движение), японцы все в этом движении очень хорошо себя чувствуют. Однажды японский чайный мастер сказал мне, что видел, как из переполненной электрички за городом вывалился помятый мужичок, сел под каким-то деревом, выдохнул так и посмотрел вокруг. И вот мнение чайного мастера: «Я понял в этот момент, что русские поймут культуру

²⁴ Бахтин Михаил Михайлович (1895–1975) — русский философ и мыслитель, теоретик европейской культуры и искусства.

Мазурик В. П.

чайного действия в сто раз лучше, чем западноевропейцы, потому что такого выражения лица... Это что-то родное, это наше!»

Знаете, когда у России закончилось движение, вот это территориальное распространение,— началось другое движение, внутреннее. Или в самые жёсткие эпохи, когда было противостояние, скажем, Орде. Украинцы говорили мне, что настоящая Россия с обжитым культурным пространством, Европейская Россия — это Киевская Русь, а ваша Северо-Восточная Русь — это, в принципе, по управлению, по всему, Орда. Они вкладывают в это отрицательный смысл. А по мнению Сиба, русские чудом сумели использовать методы администрации Чингисхана в совершенно другой культурной модели, что говорит об их удивительном таланте.

Дело в том, что система управления колоссальными территориями, которыми владела империя Чингисхана, были самыми эффективными из всех возможных на тот момент — без Интернета, без всего. Мы — это явно евразийская цивилизация. Скажем, когда кончается земной ресурс, начинается строительство какого-то эсхатологического пути на небо

Святой Руси. Почему монастыри строились в самых красивых, в самых возвышенных местах, в координатных точках ландшафта? Потому что это бивуаки на пути к Святой Руси, к невидимому граду Китежу. Это тоже движение, только духовное, внутреннее движение.

В чём главный сегодняшний кризис? В отсутствии вот этой самой координатной цели, отсутствии, следственно, «драйва», в отсутствии вот этого движения. Почему все так много говорят о национальной идее? Ведь никто на Западе не рассуждает о национальной идее. Зачем им национальная идея, когда они обустроили своё пространство, и в нём уютно живут.

Русским нужна какая-то цель, к которой нужно двигаться и идти. Русская воля это не пространство вообще. Это пространство плюс движение. И все наши минусы — отсюда. Мы делаем иногда ужасные вещи на своём движении. Никто сегодня не говорил об одной из причин депопуляции — это наша ужасная экология, трагедия Аральского моря, мы загрязнили колоссальные пространства. Это происходит просто потому, что зачастую, потеряв старую культуру какого-то экологического сродства с природой, мы по пути всё бросаем, оставляем, как неоседлые народы, в нас проявляется какое-то неокочевничество. И это делается всё очень неряшливо. На этом я заканчиваю, спасибо.

А. Н. Привалов

Если позволите, буквально одно замечание. Я в восторге, потому что мне всегда казалось, что в слове «эффективного управление» есть какая-то страшная угроза. Теперь я узнал, что эффективное управление — это Чингисхан, что, слава Богу, плохо кончилось.

В. П. Мазурик

Это, конечно не гуманистическая система, но для того времени действительно самая эффективная администрация в мире. Платон, узнав об этом государстве на огромных территориях, аплодировал бы, потому что Платон математически вывел, что идеальное государство должно быть в известной мере тоталитарным, — это даже относительно оседлого греческого полиса, не говоря уже о таких космических территориях.

А. Н. Привалов

Если нет более выступающих, ...пожалуйста, прошу — Евгений Рувимович Арензон, литературовед, научный сотрудник ИМЛИ.

Е. Р. Арензон

Хотел бы продолжить тему колонизации, обратившись к опыту мировой истории. Все знают Южно-Африканский Союз — самую богатую страну

Аронзон Е. Р.

чёрного континента. Её создали буры, потомки голландцев, говорящие на особом языке — «африкаанс». Что такое США? Это страна, созданная англичанами, переставшими подчиняться британской короне. В колонизации Северной Америки участвовали также французы. Сейчас они являются гражданами Канады, компактно проживая в провинции Квебек; там реален особый франко-католический сепаратизм, притом что никаких очевидных связей квебекцев с их исторической родиной не существует.

Русская колонизация на этом фоне — совершенно особое явление. Развитие по непрерывной линии материка, движение людских масс всё дальше и дальше, отчего географически расширилась, собственно, Россия. Нет примеров того, чтобы какая-то часть этого колонизационного потока на какой-то освоенной им территории объявляла себя свободной от далёкой власти Москвы или Петербурга. Был только один случай, о котором я хочу напомнить. Это так называемое «сибирское областничество», известное именами учёных-путешественников (прежде всего Г.Н. Потанина), которые стали говорить об автономии Сибири, о том, что эта богатейшая земля не должна быть вечно общегосударственным местом ссылки и каторги. Естественно, что эти идеи и настроения постарались побыстрее задавить.

В. П. Мазурик

Я подтверждаю: все мои сибирские родственники всегда говорили «поехать в Россию».

А. Н. Привалов

Теперь то же самое в Калининграде говорят.

Е. Р. Арензон

Ни в коем случае я бы не хотел, чтобы мои слова воспринимались как гимн сепаратизму. Просто такова давняя, исторически сложившаяся система жизни. Россия всегда держится центральной властью. Москва должна беспокоиться, хороша ли путина на Камчатке и есть ли хлеб на Чукотке. На местах активной самостоятельности никогда не было. Вот и сейчас москвичи печалются о том, как бы малонаселённый Дальний Восток не стал китайским. А как чувствуют себя сами жители Приморья и Хабаровского края? Как там объясняют текущее состояние экономики и демографии? Как видят они будущее своих детей? Идея крепкой государственной централизации очень понятна. Но как вдохнуть жизнь в еле тлеющие источники местного самоуправления? Что думают уральцы, сибиряки, жители протяжённого пограничья о своих территориальных пустотах, об отношениях с далёкой Москвой, где формируется и делится общий бюджетный пирог? Очевидное отсутствие плодотворных областнических идей развития закрепляет традицию патерналистского администрирования, объективно не справляющегося с обвалом проблем и геополитических вызовов времени.

А. Н. Привалов

Я предоставляю слово Сергею Петровичу, а потом, может быть, мне достанется несколько минут.

С. П. Капица

Мне бы хотелось сделать несколько замечаний, возможно, не очень систематичных.

Первое. Я никак не могу согласиться с тем, что люди отправлялись в Сибирь за шкурками и золотом. Так они говорили начальству. Даже к этому приёму прибегал Чехов, уговаривая Суворина дать ему деньги. Путешественники всегда готовы что угодно обещать, только бы поехать. Я сам это знаю: «На поиски места предполагаемого падения метеорита» — у нас была такая экспедиция.

Люди ехали за какими-то большими идеями. Возьмите космос. Конечно, начальству говорили, что это страшное оружие и т.д. На самом деле это

был такой фундаментальный позыв выйти за пределы атмосферы, философская идея.

А. Н. Привалов

А оказалось правым начальство.

С. П. Капица.

Оба были неправы. Оружием оно не стало. Оно не работает, вы же не стреляете из него.

А. Н. Привалов.

Оно работает: чтобы никто не стрелял.

С. П. Капица.

Но люди летают в космос, и летают благодаря тому, что оно есть. Это факт. Это первое.

Второе. Что мы можем предложить другим? Я думаю, что ничего, за исключением нашей культуры, школы и мозгов, у нас нет. Но, к сожалению, мы этим наследием нашей культуры очень плохо распоряжаемся. Может, это действительно самый серьёзный шанс, который нам ещё оставила история. Я не хочу быть в этом смысле пессимистом. Здесь надо что-то предпринимать. Я думаю, это самое главное.

Наконец, вопрос об управлении. Начальству всегда очень легко давать советы. Но решения принимать должно оно само. Поэтому советчики никогда не занимают верховных постов. Кажется, Рейган говорил: дайте мне, пожалуйста, однорукого советчика. А почему однорукого? Это связано с английской идиомой: «on one hand and on the other hand». Дайте однорукого советчика, чтобы можно было принимать решения!

По-моему, секрет управления государством — да чем угодно, научным коллективом — заключается в том, чтобы уловить настроения, существующие в государстве, в обществе, в институте, в лаборатории. И следуя этому настроению — выбросить соответствующий лозунг, опираясь на мнение, уже существующее в скрытой форме, вести людей туда, куда надо идти. Это, по-моему, очень старый приём управления: никоим образом не навязывать идею, принуждая следовать этой идее. К сожалению, это редко удаётся, что всегда приводит к ужасным последствиям.

Ещё одно замечание — по поводу ландшафтов. Есть замечательная книга Лихачёва²⁵ о ландшафтах и парках. Наверное, её многие знают и читали. Это действительно было выражение некоей философии эпохи. Сравните ландшафтные парки Франции и Англии, Версаль с ландшафтным парком английской усадьбы, где сохраняются все деревья, рельеф. И искусство, как теперь говорят, дизайнера заключается в том, чтобы использовать естественный резерв, а не навязывать ему тот или иной рисунок. Это та же самая идея, что и в управлении.

Последнее, о чём мне хотелось бы сказать, это о проблемах глобального свойства, и сегодня мы подходили к глобальным проблемам. Думаю, мы можем говорить, что есть какой-то культурный императив, связанный с демографическими и географическими факторами. Это вещь в себе. Мы до конца не понимаем, почему развивается человечество. Всё, о чём мы говорим, — это то, что обслуживает развитие человечества, но вовсе не истинный механизм развития. И пока мы не поймём это до конца, мне кажется, будет очень трудно говорить о том, как управлять процессами. Сейчас надо давать возможность, как говорили великие врачи, больному самому выздороветь. Но с советами, как это сделать, надо обращаться с большой осторожностью. Говорят, нужно иметь железное здоровье, чтобы лечиться, особенно в современной медицине.

На этой ноте мне хотелось бы закончить эту дискуссию и поблагодарить докладчиков за очень интересное обсуждение.

А. Н. Привалов

Мне бы хотелось сделать несколько замечаний разного рода просто по ходу дискуссии. Дискуссия оказалась на редкость богата на выходы в смежные сферы. Из-за нехватки времени ни одного этого выхода мы не сделали. Я думаю, что все мы почувствовали, что они были, что буквально на каждом повороте сюжета было на что сильно и не без удовольствия отвлечься. Поэтому буквально два-три замечания по протуберанцам.

Во-первых, я лет двадцать-тридцать назад, как и многие из нас, безумно боялся, что вот сейчас придут китайцы и затопят нас телами, завоюют сначала до Урала, а потом и до Вислы. Это неверно. Как раз то, что мы сегодня обсуждали, — «обезлюживание» российских пространств — наивернейшее средство от завоевания китайцами. Китайцы не селятся на пространстве, китайцы селятся около людей. Чем меньше мы оставляем людей на российских просторах, тем меньше соблазна мы предоставляем для китайской экспансии. Для китайской экспансии населением — не остальными

²⁵ См. публицистические труды Д. С. Лихачёва: «Сад и культура России», «Начало и происхождение пейзажных садов» (1985) и др.

способами, а именно населением. **(Реплика:** «А экономическая?») А экономическая, собственно, идёт, о ней не надо говорить в будущем времени. Это первое.

Второе. Очень разные люди из говоривших сегодня в очень разных контекстах смешивали две вещи, на мой взгляд, смешению не подлежащие. Смешивали населённость пространства, в данном случае российского, с проблемами сельского хозяйства, что не одно и то же. Совсем не одно и то же.

Огромные сельскохозяйственные субсидии, которые выделяют американцы, европейцы, канадцы, — не ради того чтобы получить три лишних бушеля кукурузы, а ради того чтобы какую-то разумную долю населения удержать в сельской местности. Это же очевидно. Значит, пока мы этого не делаем, мы выглядим как опереточные дурни. Тем более, когда мы продолжаем разговор, который пора бы прекращать, о том, что рынок глобален, — зачем мы будем выращивать картошку, если она на три цента дешевле в Голландии! Ребята, не надо отрицать: дешевле в Голландии тихо-тихо перестает быть.

Абсолютно комичные разговоры о продовольственной безопасности. В 1990-х годах они были комичны, — сегодня несколько не смешны. Сегодня разговоры о продовольственной безопасности вполне серьёзные. А то, что их никто не желает вести на серьёзном уровне, никого из нас, — из нас экспертов, из нас начальников, — никого, в общем, не украшает.

Теперь по поводу того, что мне кажется основным в затронутых сегодня областях. Готов признаться, что я на всё это смотрю совершенно подилетантски, потому что я никогда в жизни не изучал толком географии — ни экономической, ни физической, ни политической, и наверняка не так что-нибудь скажу. На мой взгляд, когда говорят, что есть блестящий опыт Америки, — действительно блестящий: кровавый, грязный, абсолютно победоносный, — так вот когда нам говорят, что есть блестящий опыт Америки, который мы по какому-то странному стечению обстоятельств почему-то не используем, я не очень понимаю, где тут странное стечение обстоятельств.

Мы отличаемся от Америки ровно двумя вещами, на мой взгляд, в этом вопросе роковыми: дороги и собственность на землю. Мы дорог не строим вообще. Доблестный Юрий Михайлович Лужков, мир его политической памяти, довёл стоимость строительства одного километра среднего качества дороги в России до стоимости километра андронного коллайдера. И вся Россия гордо бежит за этими показателями. Мы дорог не строим не потому, что не знаем, что их надо строить, не потому, что мы не умеем их строить, а потому, что мы ворует. По той же причине

мы не можем или не хотим навести порядок с собственностью. Я буквально вчера разговаривал с очень толковым юристом, которая мне сказала, смущаясь, стесняясь, думая, что она меня расстраивает (она меня правда расстраивала), что по состоянию на сегодня собственников земли в Российской Федерации, которые могут твёрдо надеяться, что их бумаги на эту землю выдержат дуновение ветра больше полутора баллов, практически нет. Что любая собственность на землю, даже вроде бы и оформленная сегодня, при любом серьёзном натиске обваливается. Господа, о каком обживании территории при этом можно разговаривать? Разговаривать можно, язык, как известно, без костей, с этим всё в порядке. Ничего сделать, по-видимому, нельзя.

И третье, что тоже чрезвычайно важно, но по сравнению с дорогами и собственностью всё-таки вторично. Это делёж консолидированного бюджета. У нас тут довольно странно устроено в жизни. У нас львиную долю консолидированного бюджета в державе получает федеральный бюджет. Сильно поменьше, в полтора раза поменьше, получают регионы. И практически ничего не получают муниципии.

Я хотел бы обратить ваше внимание, что, собственно, обживание земли — это ни разу не федеральный центр, это никоим образом не регионы, это ровно муниципии. Пока муниципии принципиально нищи, трудно от них чего-либо ждать, тем более если они не владеют тем, что имеют.

И ещё одно. Очень важное то, о чём сказал Андрей Николаевич Балдин. Совершенно верно: нужен проект. Нужен проект! Я не знаю, как там живут люди, которым уютно, и им наплевать, почему они живут, — в России это явно не получается. Проект нужен, и его надо или сочинять каким-то одиозным советчикам и пропихивать наверх, или наверху отпустить, наконец, одну седьмую часть вождей, чтобы кто-то начал шевелиться вниз. Что-то делать надо, потому что без проекта очень трудно.

Отвечу Дмитрию Борисовичу Зимину. Дмитрий Борисович, конкурентоспособность нашего отечества доказывается тем элементарным фактом, что это самое старое и самое большое государство на планете. Непрерывно существующее, имеется в виду. До сих пор мы были вполне конкурентоспособны.

Реплика:

А Китай?

А. Н. Привалов

Ну, Китай поменьше, и он существовал с большими разрывами, потому что то один завоюет, то другой. У нас всё-таки этого не было. Я смотрю

открытыми глазами, я не хочу сказать, что это нам гарантирует конкурентоспособность впредь. Нет, не гарантирует. Но до сих пор она у нас была, и Бог не без милости, авось дождёмся и впредь.

Спасибо всем за внимание, спасибо за участие в обсуждении!

Приложение

В. С. Мясников **Решение пространственных проблем** **в России XIX — начала XX веков**

*Мы покоряем пространство и время,
мы молодые хозяева Земли...*

Прежде чем излагать свои соображения, я хотел бы поблагодарить наших коллег-географов за очень интересные и содержательные доклады. Замечу, что историков проблема сегодняшнего нашего заседания волнует так же сильно, как и географов. В качестве примера приведу только что вышедшую статью старшего научного сотрудника Института российской истории РАН И. А. Христофорова, который подчёркивает, что «без изучения технологий межевания, кадастра и податного дела» невозможно понять аграрные преобразования²⁶. Попутно замечу, что одним из способов облегчения «пространственного бремени» для русского правительства в XVIII–XIX столетиях была целая серия территориальных уступок соседям²⁷. А в XX веке в результате расчленения СССР наша страна утратила почти треть национальной территории.

На размеры территории России есть разные взгляды. Например, Мао Цзэдун в своё время сказал, что СССР надо сократить до размеров бывшего Московского княжества. В Конгрессе США на рубеже XX и XXI столетий обсуждался вопрос о приобретении у РФ её территории от Тихого океана до Урала. Оценив эту часть земной поверхности в 300 триллионов долларов, конгрессмены посчитали, что в случае успеха сделки данное приобретение обеспечит Соединённым Штатам 300 лет процветания. Как говорится, без всяких ссылок на М. В. Ломоносова.

В решении дальнейших судеб России, на мой взгляд, огромную роль должно сыграть решение проблем переселения и земельного обустройства определённой части русскоязычного населения ближнего и дальнего зарубежья на собственно российскую территорию. Оговоримся сразу, что не все

²⁶ Христофоров И.А. От Сперанского до Столыпина: крестьянская реформа и проблемы землеустройства // «Российская история». 2011. № 4. С. 27–37.

²⁷ Подробнее см.: Широкоград А.Б. Утерянные земли России. От Петра I до Гражданской войны. М., 2006.

желающие переехать могут быть обязательно русскими по происхождению. Русские на протяжении веков составляли основное ядро российского многонационального государства. В СССР численность русских (по переписи населения 11 января 1989 г.) была равна 145 млн 155,5 тыс. человек, т.е. более половины населения страны (50,8%). В РСФСР, где их было 119 млн 865,9 тыс. человек, они образовывали основную часть населения (81,5%), а за пределами РСФСР их проживало 25 млн 289,6 тыс.²⁸

В большинстве областей Европейской части России (т.е. в районах своего исконного расселения) русские составляли свыше 95% всего населения. В Москве в 1989 г. было 89% русских. В шести из 16 автономных республик (названия национально-территориальных единиц приводим на момент тогдашней переписи) доля русских превышала половину населения (в Бурятской, Карельской, Коми, Мордовской, Удмуртской и Якутской). Та же картина наблюдалась и в четырёх из пяти автономных областей (Адыгейской, Горно-Алтайской, Еврейской и Хакаской) и в восьми из десяти автономных округов (кроме Агинского, Бурятского и Коми-Пермяцкого).

В населении ряда бывших союзных республик доля русских была достаточно высока. Так, в Казахстане — 37,8% (6 млн 227,5 тыс.), причём в восьми (из 17) областях русских больше, чем казахов; в Латвии — 34,0% (905,5 тыс.); в Эстонии — 30,4% (474,8 тыс.); на Украине — 22,1% (11 млн 355,0 тыс.); в Киргизии — 21,5 (916,6 тыс.).

В Армении, Азербайджане, Грузии, Таджикистане, Узбекистане, Литве и Туркменистане доля русских меньше 10% (в Армении — всего 1,6%) населения.

Ещё в начале 1990-х годов демографы отмечали, что за последнее десятилетие в Закавказье и Средней Азии происходило снижение не только доли, но и абсолютной численности русских, причём в Закавказье этот процесс начался ещё в 1960–1970-е гг. Это объяснялось не столько разницей в естественном приросте у русских и коренного населения, сколько различиями в обратных миграционных процессах (до начала 60-х годов основные миграции русских были направлены в эти регионы, а также в восточные районы страны), а порой и прямым бегством русских из зон обострения межнациональных отношений. Только в 1981–1987 гг. отток русских составил из Казахстана 690 тыс.; из Узбекистана — почти 750 тыс.; из Азербайджана — 300 тыс.; из Таджикистана — 215 тыс.; с Украины — 230 тыс.; из Грузии — 150 тыс.; из Киргизии — 160 тыс.;

²⁸ Брук С.И., Кабузан В.М. Русские в мире, вып. 2. М., 1991. С. 8.

из Туркменистана — 130 тыс.²⁹ Все эти процессы резко усилились за десятилетия, истекшие с момента упомянутой переписи, так как в этот период ситуация в Средней Азии и Закавказье существенно обострилась. При этом в Москве процент проживания русских снизился до 31%.

Стихийно происходящая ныне миграция говорит о том, что Россия нуждается в новой землеустроительной и переселенческой политике. Эта политика должна стать важной составной частью возрождения российской государственности.

Масштабы переселения, необходимого для освоения пустующих территорий, таковы, каких не было за всю историю России. Тем не менее в дореволюционной России был накоплен огромный опыт земельного обустройства и переселенческого дела. Опереться на исторический опыт при подготовке новой политики, взять из него все рациональное — значит избежать излишних затрат времени и материальных ресурсов, учесть нашу национальную специфику, получить знания о конкретных особенностях районов, куда предполагается переселение. Как и в прошлые столетия, главными объектами приложения переселенческих усилий продолжают оставаться восточные районы нашей страны, хотя и Нечерноземье, запустевшее в последние десятилетия, также нуждается в притоке свежих людских сил.

Специфика территории Сибири и Дальнего Востока, о которых мы говорим на заседании, не отменяет общих норм и правил землеустроительной и переселенческой политики. В этом смысле нам также важен опыт США и Канады, где аналогичные процессы особенно интенсивно шли в XIX веке.

История складывания Русского централизованного государства, а в дальнейшем и Российской империи, тесно связана с миграционными процессами. Русские осваивали колоссальные просторы Сибири и Дальнего Востока, многие другие присоединявшиеся к их государству регионы. В XVII–XVIII веках главным движущим мотивом стихийного переселенческого процесса было отсутствие за Уралом помещичьего землевладения, это давало импульс крестьянской колонизации новых земель.

Малоземелье в обжитых чернозёмных областях России вынудило правительство в 1830–1860-х гг. провести широкое переселение государственных крестьян. Был даже выработан специальный Устав о благоустройстве в казённых селениях (1843 г.), в соответствии с которым на местах водворения заранее заготавливались хлеб, сено, рабочий скот, земледельческие орудия. Крестьянам отпускался лес на постройки и денежное пособие в размере от 10 до 50 руб. на семью. Переселенцам предоставлялись льготы:

²⁹ Там же, с. 9; см. также: Русские. Этно-социологические очерки. М.: Наука, 1992. С. 28–88.

6-летнее освобождение от воинского постоя, 4-летнее полное и 4-летнее половинное освобождение от уплаты податей, списание всех недоимок и освобождение от рекрутской повинности в течение трёх наборов. На этих основаниях с 1831 по 1866 г. сначала в Воронежскую, Харьковскую, Тамбовскую, а затем в Саратовскую, Оренбургскую, Астраханскую губернии и на Северный Кавказ, а с 1850-х годов и в Тобольскую, Томскую и Енисейскую губернии было переселено 320 000 человек.

Во второй половине XIX столетия генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский предпринимает попытку организовать с помощью государственных властных структур переселенческое движение в возвращённые в состав России районы Дальнего Востока. В создаваемые на Амуре станицы и деревни переселенцев вывозили из Иркутской губернии и Забайкальской области. Переселенцы терпели неимоверные трудности в пути и по прибытии на места. Несмотря на все старания властей, они гибли от цинги, эпидемий и нехватки провианта и тёплой одежды. Тем не менее за 1855–1862 гг. всего было переселено в Приамурье 17 тыс. душ обоёго пола и свыше 2 тыс. солдат-штрафников. В результате основано по Амуру 67 и по Уссуре 29 станиц и посёлков.

Для сравнения отметим, что в 1895–1901 гг. в Амурский край было переселено лишь 936 казачьих семей в составе 8185 душ обоёго пола. Переселение проводилось за счёт казны, на сей раз переселенцами были донские казаки. Их переселение обошлось государству в 1,3 млн руб., т.е. примерно по 1450 руб. на семью. Расходы эти складывались из ссуды на обзаведение домом (600 руб.), оплаты переезда, продовольствия в пути и в течение первого года в местах нового поселения.

Но Амур это особая статья, ибо река была границей, и жители Приамурья совмещали функции земледельцев и пограничной стражи. В целом же переселение в Сибирь приняло массовый характер после отмены крепостного права. Первоначально процесс шёл стихийно. Лишь с изданием закона 13 июля 1889 г. легальное переселение стало фактически возможным. Закон этот решал главную проблему — взаимоотношения крестьянина-выселенца и общины. Переселение разрешалось без увольнительных от общины приговоров, но не иначе как с предварительного разрешения от министерств внутренних дел и государственных имуществ и лишь при наличии уважительных причин для переселения (которые в законе не перечислялись). Таким образом, крестьянин, освободившийся от помещика или от общинной зависимости, попадал в зависимость от воли чиновников, выдававших разрешение. Самовольные выселенцы возвращались на места приписки.

Для размещения переселенцев из свободных казённых земель намежывались особые участки, которые отводились прибывающим в размерах,

соответствующих условиям земледелия и его продуктивности в данной местности. В европейской России отвод земель производился на арендном праве, на время от 6 до 12 лет. Лишь по истечении этого срока земля могла быть оставлена в наделное пользование переселенца. В азиатской России земли отводились прямо на надел, на общих с сибирскими старожилами основаниях и с выдачей отводных документов

Закон предусматривал льготное налогообложение. Лица, на родине не платившие подушной подати, не облагались ею и в местах поселения. В европейской России переселенцы освобождались от арендных платежей на 2 года, в азиатской — на 3 года полностью и на 3 года наполовину. Лица, достигшие в год переселения призывного возраста, получали отсрочку в Европейской части на 2, а в Азиатской на 3 года. На новых местах переселенцы могли получать ссуды на общих со старожилами основаниях.

За 20 лет (1885–1904 гг.) в Сибирь сухим путём прошло около 1,5 млн человек, в среднем 75 тыс. душ обоего пола в год. Наивысший подъём этого движения пришёлся на 1896 г., давший 186 тыс. человек.

Итак, **вывод первый**. *Для реализации землеустройства и переселенческого процесса необходимо, как это было в своё время в России, создать специальные государственные органы, причём как на уровне законодательной власти, т.е. в Государственной Думе (комитет или комиссию), так и на уровне исполнительной власти (госкомитет).* Необходимо также выработать государственную политику в этой области, а именно: разработка и принятие специального законодательства, определение стратегии, целей и временных рамок процесса, что связано с бюджетным финансированием. Наконец, государственная политика должна опираться на оформленное и организованное общественное движение, обладающее разветвлённой системой представительства в центре и на местах и субсидируемое из специальных фондов, имеющих соответствующие льготы.

Но важный урок из опыта царской России в том, что правительство порой чересчур бюрократически опекало переселенческую деятельность, в результате чего один из главных регуляторов человеческой активности — чувство ответственности за самостоятельно принятое решение — постепенно атрофировался. Правительственная помощь не индивидуализировалась, она становилась как бы обязательной, ею пользовались имущие и неимущие, никаких средств не хватало, чтобы удовлетворить всех, казённые деньги расплывались и, как отмечалось в одном из отчётов, «развращая всех, не оказывали существенной помощи никому».

Вместе с тем, в органах, занимавшихся переселенческой деятельностью, работало значительное количество лиц, подлинных энтузиастов этого дела, ставивших интересы и нужды переселенцев выше собственных.

Отсюда **второй важный вывод**. *Переселенческое движение не должно быть бюрократизированной кампанией.* Необходимо учитывать индивидуальные нужды и возможности каждой семьи, предоставлять ей помимо обусловленной законом помощи максимум самостоятельности и свободы. Лица, которым предстоит работа с переселенцами, должны проходить строгий отбор и привлекаться к этой работе на добровольных началах. Закон о борьбе с коррупцией должен иметь специальный раздел, касающийся переселенческого движения.

Переселенческий процесс неотделим от освоения новых или возрождения к жизни запустелых земель. Собственно, в этом и заключается его смысл — богатство земельного резерва, если государство им располагает, предоставляется гражданам для интенсивной хозяйственной деятельности и тем самым для продвижения и граждан, и страны к благосостоянию. Так было в Америке, Канаде, Австралии, Северо-Восточном Китае. В нашей стране последним по времени актом хозяйственной колонизации было освоение целины, главным образом казахстанской. С позиций сегодняшнего дня оно представляется крупным стратегическим просчётом, средства и силы было бы целесообразнее отдать русскому Нечерноземью.

Человечество не раз обобщало переселенческий и колонизационный опыт, выработало определённые теоретические подходы. Классическим, например, является труд знаменитого французского экономиста Поля Леруа-Болье, свыше тридцати лет посвятившего разработке концепции переселенческой политики³⁰.

Переселенческий процесс требует подготовки, которая состоит из нескольких стадий.

Первая стадия. Выделение правительством земель для освоения. Районы освоения должны быть чётко обозначены границами. В этот же этап входит межевание и развёрстка земель на участки. «Одно из существенных условий благосостояния колоний состоит в том, чтобы собственность была определена там возможно точнее и не служила бы предметом споров и тяжб», — отмечал Леруа-Болье³¹. Этой же точки зрения придерживались и крупнейшие русские специалисты³².

Американо-канадская система межевания земель была признана образцовой. Она заключалась в следующем. Прежде всего, проводились базы

³⁰ *Leroy-Beaulieu Paul. De la Colonisation chez les peuples modernes, cinquieme edition. Paris, 1902, v.1–2.*

³¹ *Op. cit. V.2. P. 572–573.*

³² *Кн. Васильчиков А. Землевладение и земледелие. СПб., 1876. Т. II. С. 889–890; Синельников Н. Работы по землеустройству в Северной Америке. СПб., 1907. С. 4–5, 36–40.*

(основные линии), соотносившиеся с широтами и меридианами. После этого определялся межевой квадрат (дача), каждая сторона которого соответствовала 6 милям (9,6 км). Этот участок (township) площадью 92,16 кв. км делился на 36 секций (sections) размером 2,56 кв.км, которые в свою очередь распадались на 4 четверти (quarter section), четверти делились на 2 восьмые, а те в свою очередь — на 2 шестнадцатые (по 40 акров). План каждого тауншипа продавался всем желающим за 25 центов. Все квадраты были пронумерованы в определённом порядке от меридианов и градусов широты, так же нумеровались и секции. Четверти носили названия по сторонам света — юго-восточная, северо-восточная, северо-западная, юго-западная. Дальнейшие деления обозначались буквами сообразно расположению по сторонам света, счёт всегда вёлся с юго-восточного угла. Этот порядок был строго выдержан во всей системе.

Оценка земель попутно не проводилась, так как трудно было предугадать, какая культура будет наиболее выгодна на данном участке, а от этого зависела доходность земли и, следовательно, участка. Землеустроительные работы вместе с содержанием всего персонала техников и центрального учреждения (General Land Office) обошлись в Штатах около 48 копеек (по курсу начала века) на 1 га, в Канаде — около 35 копеек.

После завершения межевания земель наступает вторая стадия — строительство дорог. «Устройство дорог в самом начале, — отмечал Леруа-Болье, — есть дело необходимое, не терпящее отлагательств: иначе первоначальное развитие колонии будет крайне затруднено и замедлено; сельское хозяйство не может идти успешно при отсутствии перевозочных средств — удобных сообщений; даже население не будет возрастать. Отлагать устройство дорог до тех пор, пока не увеличится население и не возникнут села, значит совершать капитальную ошибку; именно дороги и должны привлекать население и содействовать возникновению сел. Дороги обладают могущественной притягательной силой; когда их много и они в исправности, то они создают сельское хозяйство и плодят города». Он требовал, чтобы дорожные работы, как важнейшее условие прогресса вновь заселяемого района, выполнялись как можно лучше с момента основания нового района и до прибытия туда жителей.

При этом учитывался американский опыт освоения Дальнего Запада, где федеральное правительство вовсе не строило города и села, оно лишь проводило дороги, примыкающие к судоходным рекам, и предоставляло населению возможность селиться, где ему угодно, вдоль этих дорог.

Третий важный вывод. *Необходима полная инвентаризация земельного фонда России и на её основе выяснение районов возможного заселения и межевание новых земель.*

Первым шагом современной переселенческой политики должно быть обустройство мест, куда направляются переселенцы, создание там всей необходимой инфраструктуры до прибытия первых жителей. Конечно, даже в городских районах-новостройках и ныне наша практика заключается в том, что объекты соцкультбыта достраиваются после сдачи и заселения жилых домов. Но следует учесть весь горький опыт освоения Сибири и Дальнего Востока за последние 150 лет. Отток населения равен его притоку именно из-за трудностей с жильём, средствами коммуникаций, объектами культуры. Сохраняя существующую практику, мы не сможем выйти из порочного круга. Новая переселенческая политика может быть успешной только на проверенных мировым и российским опытом принципах, главный из которых — привлекательность для переселенцев новых мест их обитания.

Русское правительство внимательно изучало американский опыт. Было известно, что лишь после завершения работ по межеванию и сооружению дорог власти США объявляли известные территории открытыми для заселения.

По американским законам никто не имел права получить в одни руки более 160 акров (64,8 га), так как именно на этой площади труд семьи используется полностью. Менее 40 акров (16,2 га) не отводилось. С 1862 по 1902 г. в Штатах было отведено около 1 345 000 участков площадью 180 млн акров. Большая часть этих земель была продана по цене 1,25 долл. за акр для участков, удалённых от железной дороги, и по цене 2,5 долл. за акр для участков, ближайших к линии. В 60-х гг. XIX века существовало правило, по которому плата за землю погашалась (кроме задатка) в течение 5 лет. Но прожив это время на участке и непрерывно занимаясь хозяйством, фермер мог требовать документы на землю бесплатно. Этот закон оказал большое влияние на образование обширного класса фермеров, владеющих участками 160 акров. Правительство в своих докладах указывало, что фермер, производя сельскохозяйственные продукты на отведённом участке и покупая промышленные изделия, в общем итоге уплачивал в течение 5 лет в общественный фонд больше, чем правительство получило бы от уплаты 1,25 долл. за акр одновременно.

Значительная часть земель отводилась в распоряжение органов образования. На деньги, вырученные от сдачи их в аренду, содержались школы во вновь возникающих поселениях.

Не существовало никакой оценки, никакого описания земель. Каждый руководствовался собственными хозяйственными соображениями, действуя на свой страх и риск. Новосёл мог купить и болото, если оно было ему нужно. Но если бы он пожелал избавиться от него, то правительственные гидротехники были к его услугам. Фермер вызывал чиновника, который

на месте проверял его показания, измерял и наносил на план болото. Если последнее составляло более половины приобретённого участка, поселенец мог по выбору получить или прирезку удобной земли, или денежное пособие с условием произвести осушительные работы.

Опираясь на зарубежный опыт, русское правительство тщательно и подробно регламентировало работы по отводу земель переселенцам. Был выпущен сборник, включавший 55 отдельных узаконений, циркуляров, инструкций и предписаний. Но были и акты, не вошедшие в этот сборник.

Так, для русского Дальнего Востока действовали утверждённые 22 июня 1900 г. Временные правила для образования переселенческих и запасных участков в Приморской и Амурской областях. В соответствии с этими Правилами из свободных и не предназначенных для каких-либо иных государственных надобностей земель образовывались переселенческие и запасные участки. Первые предназначались для водворения на них переселенцев, вторые (до 10% всей местности) — для удовлетворения будущих государственных потребностей в земле (землеустройства старожилото населения, сохранения для возрастающего населения возможности пополнять недостаток в надельной земле путём аренды казённых участков).

Работы по подготовке участков начинались, по возможности, с местностей, ближайших к железной дороге, а также к морскому побережью, рекам и к существовавшим и проектировавшимся дорогам. Как переселенческие, так и запасные участки должны были быть обеспечены водой и, по возможности, лесом. Для образования участков избирались земли, удобные для обращения под сельскохозяйственное пользование. Количество переселенцев, которых можно было расселить на пространстве участка, исчислялось из расчёта не свыше 15 десятин (16,35 га) удобной земли, включая лесные угодья, на душу мужского пола. Это было равно американскому минимуму 40 акров. На участках, размеры которых превышали 2000 десятин удобной земли, оставлялось в запас до 120 десятин под церковь и школу.

Производилось и межевание особых хуторских отрубов. Это делалось лишь в тех случаях, когда площадь, пригодная для освоения, по незначительности своей не могла быть предоставлена для создания селений. Хуторской отруб предназначался для ведения на нём среднего по местным условиям размера самостоятельного хозяйства. Он включал не более 45 десятин удобной и 15 десятин годной для выпаса земля, всего не свыше 60 десятин. Сюда же входил и лесной надел размером от 9 до 12 десятин. Хуторской отруб по своим размерам приближался к американскому стандарту 160 акров.

Спорные вопросы рассматривались на заседаниях специальных временных комиссий, которые состояли из производителя работ, составлявшего проект

образования участка, межевого ревизора при генерал-губернаторе, лесничего, податного инспектора, переселенческого инспектора и областного землемера. Председателем комиссии обычно назначался заведующий всеми работами.

Законодательство требовало, чтобы члены временных комиссий осматривали запроектированные участки на местности, ибо «только при этом условии они могут сознательно отнестись к предположениям производителя работ, вносимым на обсуждение комиссии». Предусматривался даже, в случае необходимости, вторичный осмотр участка комиссией с выездом её на место работ в полном составе³³.

Участки не должны были быть слишком велики. Желательно, чтобы они не превышали 4500 десятин (4905 га), «при неперменном соблюдении условия снабжения каждого участка водою и необходимыми для ведения хозяйства угодьями»³⁴.

На участке в натуре разбивались усадебные места (20x80 сажений каждое и лишь в исключительных случаях — 16x60 сажений, т.е. 42,7x170,7 м, около 73 сотки или 34x128 м, т.е. около 43,5 сотки)³⁵.

«В видах наиболее тщательной оценки, с санитарной точки зрения, избранной под селение местности» предлагалось привлекать к работе во временных комиссиях с правом совещательного голоса сельских врачей и заблаговременно извещать их о заседании комиссии «с препровождением всех данных, потребных для отыскания участков и для выбора места под усадебную оседлость»³⁶.

Каждый участок подвергался предварительной съёмке и подробно описывался. Планы и описания составлялись в трёх экземплярах, которые после утверждения комиссией направлялись в различные учреждения. Описание должно было отвечать на следующие вопросы:

- название административных единиц: уезда (или округа) и волости, в которых расположен участок; на каком расстоянии он находится от ближайших станций почтовой или железной дороги, города, церкви, волостного правления, школы, торгового или вообще населённого пункта и т.д. с пояснением пути от вышеупомянутых станций до участка;

³³ Циркуляр министра земледелия и государственных имуществ от 14 августа 1901 г., N 11.

³⁴ Циркуляр Департамента государственных земельных имуществ от 17 сентября 1894 г., N 5482.

³⁵ Циркуляр Департамента государственных земельных имуществ от 16 ноября 1901 г., N 13.

³⁶ Циркуляр Департамента государственных земельных имуществ от 15 октября 1901 г., NN 1524–1530.

- общий размер участка с указанием численности населения, которое он может принять;
- характеристика особенностей земельных наделов участка (степные, лесные, требующие искусственного орошения и т.д.), характеристика его почв (чернозёмная, глинистая, песчаная и т.п.), при каких водах он расположен, и если на нём имеется лес, то достаточно ли его на постройки для всего числа переселенцев, которые могут быть на нём расселены из расчёта 15 десятин на душу мужского пола;
- какие именно сельскохозяйственные культуры (в первую очередь зерновые) могут по климатическим и почвенным условиям произрастать на участке;
- когда именно начинается весной и заканчивается осенью период полевых работ в той местности, где расположен участок;
- для выходцев из какой именно полосы пригоден данный участок, и если он отчасти уже заселён, то жители какой именно губернии и уезда уже обитают на данном участке³⁷.

Разумеется, на практике было довольно много отступлений от этих установлений, допускались нарушения и процветали злоупотребления. В 1903 г. Подготовительная комиссия комитета Сибирской железной дороги обратила внимание на «многочисленные случаи», когда спроектированные участки, уже принятые и утверждённые временными комиссиями, «оказывались затем в том или другом отношении неудовлетворяющими своему назначению».

И хотя объяснения временных комиссий сводились к тому, что в лесных районах земельные запасы истощились, а в степных — худшие почвенные и гидрологические условия для землеотводных работ, всё же Департамент государственных земельных имуществ предписывал всем чиновникам землеотводных партий «обратить самое серьёзное внимание на необходимость принятия всех зависящих мер к тому, чтобы образуемые участки по качеству и составу угодий, размерам и конфигурации, а также условиям водоснабжения удовлетворяли, в пределах возможности, всем требованиям, могущим быть предъявленными в интересах имеющих водвориться на них переселенцев».

Кстати, департамент ежегодно требовал с мест подробнейшую отчётность о проделанных работах по образованию переселенческих и запасных участков. Один лишь перечень вопросов, на которые нужно было ответить, занимал три страницы сплошного печатного текста.

³⁷ Циркуляр Департамента государственных земельных имуществ от 17 сентября 1894 г., N 5482.

Таким образом, в России за 15 лет (1893–1907) было заготовлено 1 025 100 долей или 15 миллионов десятин, т.е. 16 млн 350 тыс. га земель. В Приморье землеотводческие партии начали работать в 1899 г., в Амурской области — в 1901 г. К 1 мая 1908 г. ими было отведено земли в Амурской области на 56 385 душ обоего пола (1 258 865 десятин) и в Приморье — на 75 900 душ мужского пола (1 800 000 десятин). В 1908 г. на вновь осваиваемых землях работало 15 землеотводных партий, в составе которых насчитывалось 100 производителей работ, 20 заведующих технической частью и более 600 землемеров. По смете на 1908 г. нарезка одной душевой доли (15 десятин) должна была обойтись около 7 р. 40 к., что на каждую десятину замежёванной удобной земли составляло около 50 коп. За сезон 1908 г. и Амурская, и Приморская партии предполагали нарезать по 30 тыс. душевых долей.

Вывод четвёртый. *В настоящее время государство вряд ли сможет предоставлять переселенцам земельный надел, равный тому, что выделялся до революции, т.е. 16,3 га на мужчину.* Если мы гипотетически предположим, что все 25,3 млн русских решат переселиться в пределы России, то при среднестатистическом размере русской семьи в бывших союзных республиках 3,2 человека³⁸ потребовалось бы разместить 7,9 млн семей. Даже если лишь 30% решилось бы переселиться в сельскую местность³⁹, это составило бы приблизительно 2 млн 370 тыс. семей. Если выделять землю лишь мужским членам семьи, по старым нормам, то пришлось бы обустроить около 33–35 млн га. Для сравнения напомним, что в ходе освоения целинных земель в СССР в 1954–1960 гг. в Казахстане, Сибири, на Урале, в Поволжье и других районах было распахано 41,8 млн га. Существует ли сегодня в России необходимое количество удобных для сельского хозяйства резервных земель? На этот вопрос и должно дать ответ составление нового земельного реестра. Но, с другой стороны, чтобы решить стратегическую задачу — остановить катастрофическую убыль населения, вероятно, можно использовать старый китайский опыт и выделять землю поэтапно: дав семье первоначально минимально необходимый для её существования надел, увеличивать его с рождением каждого следующего ребёнка по достижении им определённого возраста.

Вывод пятый. *Переселенческий процесс должен как определённая государственная политика рассчитываться на десятилетия. Первые положительные результаты в общегосударственном масштабе могут быть*

³⁸ Русские. Этно-социологические очерки. М.: Наука, 1992. С. 147.

³⁹ См.: там же, с. 51, табл. 18. Доля русского сельского населения в этих республиках составляла в среднем от 40 до 60 процентов.

получены лишь в конце первой половины XXI века. Разумеется, местные успехи можно ожидать и ранее.

До 1906 г. землеустроительным и переселенческим делом в России ведали министерства земледелия и внутренних дел. Ситуация изменилась с началом столыпинской аграрной реформы. Собственно аграрная часть реформаторской деятельности П. А. Столыпина была разработана и предложена правительству С. Ю. Витте ещё в канун революции 1905–1907 гг. Именно С. Ю. Витте предлагал сделать крестьянина собственником земли, расширить функции Крестьянского банка и осуществить широкое переселение крестьян на новые земли⁴⁰.

Реформа началась с указа 9 ноября 1906 г., на основе которого 3-й Государственной Думой был принят закон от 14 июня 1910 г. Датой прекращения реформы считается 28 июня (10 июля) 1917 г., когда было принято специальное постановление Временного правительства. Главным содержанием реформы было насильственное разрушение сельской общины и насаждение личной крестьянской собственности на землю. Реформа состояла из трёх неразрывных компонентов: землеустройства, расширения деятельности Крестьянского поземельного банка и переселенческой политики.

Для землеустройства на основе бывших временных комиссий создавались землеустроительные комиссии. На основании специально принятого законоположения от 11 мая 1911 г. они должны были в первоочередном порядке создавать хутора (отдельные участки с переносом усадьбы) и отруба (участки без переноса усадьбы). Выделение на хутора и отруба требовало значительных средств и было под силу лишь зажиточным крестьянам. Все желающие обзавестись собственным хозяйством могли рассчитывать на помощь Крестьянского банка.

Собственно, его деятельность и была главной чертой столыпинской реформы, отличающей её от предыдущей стадии землеустроительной политики. После отмены крепостного права значительная часть помещиков-землевладельцев предпочитала не вести сельскохозяйственное производство, а сдавать земли в аренду или закладывать их. П. А. Столыпин учёл это обстоятельство, поручив созданному ещё в 1882 г. Крестьянскому банку, выдававшему ссуды под залог покупавшихся крестьянами земель, скупать помещичьи земли и продавать их мелкими участками крестьянам. Собственный земельный фонд Крестьянского банка составлял на 1 января 1917 г. 6 млн 749,4 тыс. десятин, в том числе 4 млн 849 тыс. десятин земель, купленных у помещиков, 1 млн 258,9 тыс. десятин, переданных Удельным

⁴⁰ *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном Совете. 1906–1911. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 9–10.

ведомством, и 641,3 тыс. десятин, перешедших от разорившихся крестьян, которые и были покупателями большей части земель.

Создание хуторов и отрубов стало приоритетным направлением деятельности Крестьянского банка. Из имевшегося фонда банк продал со ссудами 3 млн 990,1 тыс. десятин, в том числе хуторами 931,9 тыс. десятин и отрубам 2 млн 174,9 тыс. десятин. (т.е. соответственно 23% и 54%), а сельским обществам и товариществам — всего 694,8 тыс. десятин. При этом хуторянам и отрубщикам ссуды выдавались в максимальных размерах, а на общественные нужды — в минимальных. Всего за 1907–1916 гг. крестьяне приобрели с помощью банка 9 млн 136,8 тыс. десятин земли, в том числе отдельные домохозяева 4 млн 173,2 тыс. десятин, товарищества — 3 млн 964,3 тыс. десятин и лишь 999,4 тыс. десятин — сельские общества.

В результате хуторское и отрубное землевладение за 1907–1916 гг. составило на надельной земле 1 млн 317,3 тыс. хозяйств с 12 млн 777,1 тыс. десятин, в том числе на землях, приобретённых у Крестьянского банка. Всего же к 1 января 1916 года 14 млн 122,8 тыс. десятин земли закреплено в личную собственность.

Для реализации в ходе реформы переселенческой политики в Государственной думе была создана специальная Переселенческая комиссия. 5 декабря 1907 г., обращаясь к этой Комиссии, главноуправляющий землеустройством и земледелием говорил: «Я желал бы убедить вас, господа, что тщетны попытки искать объяснения склонности русского народа к переселению на восток в каких-либо преходящих явлениях современной жизни, а тем более видеть причины усиленного движения в каких-либо мелкого калибра правительственных распоряжениях или действиях. Я думаю, что в этом движении проявляется естественное стремление славянской расы, в лице передовых её представителей, русского народа — на восток и что единственной преградой этого движения может быть отныне только Великий или Тихий океан. Пусть же народное представительство возьмёт под особое своё покровительство это великое народное дело и вооружит исполнительную власть в лице правительства его величества необходимыми средствами и законами для планомерного его направления»⁴¹.

В 1906 г. в Петербурге было создано Центральное переселенческое управление. Ему подчинялись генерал-губернаторские переселенческие управления и совещания по проблемам переселенцев на местах. Для

⁴¹ Приамурье. Факты. Цифры. Наблюдения. Собраны на Дальнем Востоке сотрудниками Общеземской организации. Приложение к Отчёту Общеземской организации за 1908 год. М., 1909. С. 749.

отвода земель переселенцам в каждой отдельной местности была организована землеотводная партия, подчинявшаяся заведующему переселенческим районом. Партия состояла из производителей работ, заведующих технической частью, топографов или землемеров (высшего, среднего и низшего окладов). Сметы на производство работ составлялись на местах и учитывали районы предполагаемой рекогносцировки в неисследованных местностях, для чего составлялась специальная мотивировка. Сметные предположения должны были направляться в такие сроки, чтобы их получили в Петербурге до 15 сентября. Пройдя все стадии обсуждений, они включались в бюджет.

Весной начинались работы на местности. Производители работ с небольшим количеством землемеров отправлялись в намеченные районы, делали их описание, съёмки местности и давали заключение о количестве земель, годных к заселению. Эти предложения проходили обсуждения, и на их основе намечался план основных землеотводческих работ на следующий год.

В ходе столыпинской реформы темпы переселения в Сибирь резко возросли: в 1906 г. за Урал прошло 219 тыс. человек; в 1907 – 577 тыс.; в 1908 – 760 тыс. По смете на 1909 г. государство предполагало израсходовать на переселенчество 23 млн 277 тыс. руб. Всего же за 1906–1916 гг. в Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию и другие окраинные районы было переселено 3 млн 79,1 тыс. человек⁴².

Из опыта заселения дальневосточных территорий в начале XX столетия русские специалисты сделали следующие выводы.

Переселенческая организация не должна быть на местах подчинена общей администрации края, хотя и обязана взаимодействовать с ней. С другой стороны, правительству не следует постоянно опекать переселенцев.

Правительственная помощь переселенческому делу должна касаться:

- точного определения границ передаваемых переселенцам государственных земель (межевания);
- установления с самого начала законодательных гарантий земельной собственности каждого переселенца;
- проведения дорог и, если передвижение переселенцев происходит по территории государства, организации регулярного

⁴² Складов Л. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., изд. ЛГУ, 1962.

железнодорожного и иного сообщения и санитарно-медицинского контроля.

Независимые российские эксперты подчёркивали, касаясь роли государства: «Там, где нужны живые силы, крепкий рост и бодрый самостоятельный дух, там должна быть исключена опека. Условия управления там должны давать простор самостоятельной деятельности. Людям, которые идут за 8 тыс. вёрст создавать себе новую родину, нужны не помочи, не ссуды, а собственные силы. И если государство желает облегчить им их великое дело, то оно должно стать с ними в один ряд в их работе и борьбе с первобытными условиями жизни и облегчить завоевание края общими мерами, а не частичными подачками переселенцам по выбору и усмотрению чиновников. На место личной ссуды должны стать затраты на устройство края, на создание в нём культурных условий жизни, общепользных учреждений, облегчающих частным лицам борьбу с суровыми условиями, — и тогда только можно будет рассчитывать на нормальный рост и развитие молодой колонии и создание в ней мощной русской государственности»⁴³.

Эти выводы подтверждались и оценками зарубежных экспертов. Профессор университета Южной Дакоты Нильс Хэнсен (Niels E. Hansen) по поручению министра земледелия Соединённых Штатов в 1894, 1897, 1905 и 1906 гг. изучал Сибирь и постановку в ней переселенческого дела. Выводы его докладов американскому правительству сводились к следующему:

«Сибирь — новая Америка. Она очень похожа на северо-восточную часть нашей страны. Переселенцы из Европейской России — честные, трудящиеся, ценные граждане, но им недостаёт школ. Вся система требует преобразования... Если бы правительство приняло нашу систему, можно было бы достигнуть прекрасных результатов»⁴⁴.

Приведённые отрывки свидетельствуют о том, что накапливавшийся опыт переселенческого дела в России постоянно анализировался и обобщался. Он широко освещался прессой. Издавалась литература, призванная помочь как переселенцам⁴⁵, так и правительственным органам⁴⁶. Переселенческое управление также наладило выпуск специальной

⁴³ Приамурье... С. 847.

⁴⁴ Синельников Н. Работы по землеустройству в Северной Америке. СПб., 1907.

⁴⁵ Например: Переселение на Дальний Восток в 1907 году. Справочная книжка для переселенцев. СПб., 1907.

⁴⁶ См.: Современное положение переселенческого дела и его нужды. Справка для гг. членов Гос. Думы (Тоже для членов Гос. Сов.). СПб., 1907.

литературы⁴⁷. Общественное мнение было настроено сочувственно к переселенцам. Их труд рассматривался как выполнение крупной общенациональной задачи.

Вывод шестой. *В настоящее время правительство должно уделить особое внимание подготовке общественности к тому, что в национальных интересах России провести широкие переселенческие мероприятия. Желательно, чтобы работа средств массовой информации в этой области рассматривалась как их долг перед своим народом.* Это касается как восточных районов страны, так и центральных её областей. Не только оздоровление экономики, но и оздоровление нации в целом может и должно быть связано с землеустроительным и переселенческим процессом.

Наконец, возникает вопрос, где правительству взять материальные, прежде всего денежные, ресурсы для развёртывания землеустроительного и переселенческого дела?

Самый главный в этом, на наш взгляд, отправной момент, который может задать импульс всему движению, ключ к решению этой проблемы, может быть найден в увязке на первых порах переселенческого дела с созданием специальных экономических зон. Как показывает зарубежный, прежде всего китайский опыт, с одной стороны, для оборудования зон, создания в них современной инфраструктуры можно привлечь зарубежные инвестиции, с другой — уровень жизни в них выше, чем на остальной территории страны. Эти зоны и должны стать опытным полигоном новых методов переселенческого дела в новой России.

Не менее важным представляется и опыт деятельности столыпинского Крестьянского банка. С помощью специального банка, контрольный пакет акций которого должен быть у правительства, но он широко мог бы привлекать и частный капитал, в том числе зарубежный, можно было бы создать Российский земельный фонд: основу его составили бы земли нерентабельных хозяйств, запустелых колхозных земель и вновь осваиваемых

⁴⁷ Переселение в Сибирь. Прямое и обратное движение переселенцев семейных, одиноких, на заработки и ходоков. СПб., 1906; Переселенческое дело во время заведывания им Главным управлением землеустройства и земледования; Переселение и заготовка земель для переселенцев. СПб., 1907; Переселенческое дело в 1908 году. СПб., 1908; Отчёт Высоч. командированного на Дальний Восток по переселенческому делу товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатора Иваницкого. СПб., 1909; Журнал совещания по вопросам, касающимся колонизации Дальневосточных областей. Образовано в Хабаровске в 1908 году. СПб., 1908; Годовой отчёт по Амурскому переселенческому району за 1907 год. СПб., 1908; Годовой отчёт по Приморскому переселенческому району за 1907 год. СПб., 1908.

территорий. Правительство могло бы иметь контрольный пакет акций за счёт своего земельного вклада.

Деятельность банка должна быть нацелена на организацию и функционирование земельного рынка, обеспечивающего землеустроительный и переселенческий процесс, основные принципы которого изложены выше. Почему именно государство должно сохранить контроль над этим процессом? Потому что это на данном этапе национальная задача России, а, как показывает исторический опыт землеустроительной и переселенческой политики в России, решение задач такого масштаба по плечу только государству, даже если, как это было в ходе столыпинской реформы, значительная часть этого бремени была бы переложена на плечи будущих землевладельцев и землепользователей.

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте». Выпуск 53

«Реванш пустеющего пространства». — М., 2012. — 102 с.

На заседании Никитского клуба «Реванш пустеющего пространства», стенограмма которого представлена в данном Выпуске НК, разговор учёных шёл о пространстве России. Намеренная, на первый взгляд, эмоциональность в названии темы, по мере раскрытия её участниками заседания утрачивала свою избыточность.

Образная фраза архитектора «Россия перестала себя сочинять. Поэтому её пространство пустеет» вмещает в себя как приведённый анализ историков, так и конкретные цифры географов. Каким может быть реванш пустеющего пространства,— уже наглядно, можно предположить. Важно — успеть предупредить.

УДК 314.72
ББК 60.7+65.04

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 53
«Реванш пустеющего пространства»

Редактор выпуска Н. М. Румянцева
Фото ММВБ-РТС
Вёрстка М. Ю. Иванюшин

Подписано в печать 16.04.2012.

Тираж 500 экз.

© ММВБ-РТС, 2012
© Никитский клуб, 2012